

По делу «Претти против Соединенного Королевства»

Европейский Суд по правам человека¹ (Четвертая Секция), заседая Палатой в составе:

г-на М. Пеллонпаа, *Председателя Палаты Суда*,
сэра Николаса Братца,
г-жи Э. Палм,
г-на Е. Макарчика,
г-на М. Фишбаха,
г-на Ж. Касадеваля,
г-на С. Павловского, *судей*,

а также при участии г-на М. О'Бойла, *Секретаря Секции Суда*,

проведя 19 марта 2002 г. и 25 апреля 2002 г. совещания по делу за закрытыми дверями, в последний из указанных дней вынес следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 2346/02) против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (*далее* — Соединенное Королевство), поступившей в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) от подданной Соединенного Королевства г-жи Дианы Претти (*далее* — заявительница) 21 декабря 2001 г.
2. Интересы заявительницы, которой по решению Европейского Суда были компенсированы расходы по оказанию юридической помощи, представлял в Суде г-н С. Чакрабартти — адвокат, практикующий в г. Лондоне. Власти Соединенного Королевства (*далее* — государство-ответчик) были представлены в Суде Уполномоченным Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии при Европейском Суде по правам человека, г-ном К. Хумерсли, сотрудником Министерства иностранных дел и по делам Содружества, г. Лондон.
3. Заявительница, страдающая неизлечимым дегенеративным заболеванием, которое привело к параличу, утверждает, что отказ Директора публичных преследований² дать обязательство не подвергать ее мужа судебному преследованию в случае, если тот поможет ей совершить самоубийство, а также предусмотренный правом Соединенного Королевства запрет на оказание содействия при совершении самоубийства ущемляет ее права, предусмотренные статьями 2, 3, 8, 9 и 14 Конвенции.

От редакции. По делу заявительница, страдающая неизлечимым быстро прогрессирующим заболеванием, которое привело к параличу, мучениям и униженному положению, пожелала совершить самоубийство, но, будучи не в состоянии покончить с жизнью сама, она заручилась согласием своего супруга помочь ей в совершении самоубийства. Однако в Соединенном Королевстве содействие в совершении самоубийства является уголовно наказуемым деянием, поэтому адвокат обратился в ведомство государственного обвинения с просьбой дать обязательство не подвергать супруга заявительницы судебному преследованию, в случае если тот поможет ей совершить самоубийство. В данной просьбе было отказано со ссылками на закон. В своей жалобе в Европейский Суд заявительница утверждает, что отказ властей дать обязательство не подвергать ее супруга судебному преследованию за оказание содействия в ее добровольном уходе из жизни, а также предусмотренный законодательством Соединенного Королевства запрет на оказание содействия при совершении самоубийства ущемляет ее права, предусмотренные статьями 2, 3, 8, 9 и 14 Конвенции. Европейский Суд не счел доводы заявительницы убедительными и отклонил все ее правопритязания на эвтаназию, не усмотрев в действиях властей государства-ответчика каких-либо нарушений Конвенции.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

² В Соединенном Королевстве так именуется глава службы государственных обвинителей (*примечание редакции*).

**ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА
ЧЕТВЕРТАЯ СЕКЦИЯ
ДЕЛО «ПРЕТТИ ПРОТИВ
СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА»
[PRETTY V. THE UNITED KINGDOM]**

(жалоба № 5129/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург
29 апреля 2002 г.

Постановление вступило в силу 29 июля 2002 г.

4. Жалоба была передана в производство Четвертой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). Внутри этой Секции на основании пункта 1 правила 26 Регламента Европейского Суда была образована Палата для рассмотрения настоящего дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции).

5. Заявительница и государство-ответчик представили в Европейский Суд свои замечания по вопросу о приемлемости жалобы и о существе дела (подпункт «b» пункта 3 правила 54 Регламента Европейского Суда). Кроме того, в Суд поступили комментарии организаций, не являющихся сторонами по делу, — Общества добровольной эвтаназии [*Voluntary Euthanasia Society*] и Конференции католических епископов Англии и Уэльса [*Catholic Bishops' Conference of England and Wales*]. Председатель Палаты Суда разрешил им представить письменные замечания по делу (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3

правила 61 Регламента Европейского Суда). Заявительница ответила на эти замечания (пункт 5 правила 61 Регламента Европейского Суда).

6. Слушания по делу были проведены публично во Дворце прав человека, г. Страсбург, 19 марта 2002 г. (пункт 2 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Европейского суда приняли участие:

(a) *от государства-ответчика:*

г-н К. Хумерсли, *Уполномоченный Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии при Европейском Суде по правам человека*,

г-н Дж. Кроу,
г-н Д. Перри, *адвокаты*,
г-н А. Бакаресе,
г-жа Р. Кокс, *советники*;

(b) *от заявительницы:*

г-н П. Хаверс, *королевский адвокат*,
г-жа Ф. Моррис, *адвокат*,
г-н А. Гаск, *адвокат-стажер*.

Также на слушаниях дела присутствовали заявительница и ее супруг, г-н Б. Претти.

Европейский Суд заслушал выступления г-на П. Хаверса и г-на Дж. Кроу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявительнице 43 года. Она состоит в браке уже двадцать пять лет и проживает со своим супругом, дочерью и внучкой. Заявительница страдает боковым амиотрофическим склерозом. Это прогрессирующее нервное дегенеративное заболевание двигательных нейронов центральной нервной системы, связанное с постепенным ослаблением произвольных мышц тела. Оно приводит к сильному ослаблению рук и ног, а также дыхательных мышц. Причиной смерти обычно является дыхательная недостаточность и пневмония, возникающие из-за ослабления мышц дыхательной системы, мышц речевого аппарата и глотательных мышц. Современная медицина не может остановить развитие болезни, которой страдает заявительница.
8. С тех пор как в ноябре 1999 г. у заявительницы обнаружили боковой амиотрофический склероз, ее состояние стремительно ухудшается. В настоящее время заболевание находится уже на поздней стадии. Организм заявительницы полностью парализован от шеи до ног, у нее практически отсутствует членораздельная речь, и ее кормят через зонд. Жить ей осталось совсем немного — несколько недель, может быть, несколько месяцев. Тем не менее больная сохраняет полную ясность рассудка и способность принимать решения. Последние стадии заболевания связаны с мучениями и ставят больных в униженное положение. Заявительница испытывает страх и угнетенность, думая о мучениях и о потере достоинства, которые ей предстоят, если болезнь будет развиваться естественным образом. Поэтому она очень хочет, чтобы у нее была возможность решать, как и когда ей умереть, избежав тем самым мучений и униженного положения.
9. По английскому праву самоубийство не является преступлением, однако состояние здоровья заявительницы таково, что она не может покончить с собой без помощи другого человека. В то же время оказание содействия при совершении самоубийства является уголовно наказуемым деянием (часть 1 статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года).
10. Для того чтобы заявительница могла покончить с собой, воспользовавшись помощью своего мужа, ее адвокат в письме от 27 июля 2001 г., написанном от имени г-жи Претти, обратился к Директору публичных преследований с просьбой дать обязательство не подвергать ее мужа судебному преследованию в случае, если тот пойдет навстречу ее желанию и поможет ей совершить самоубийство.
11. В письме от 8 августа 2001 г. Директор публичных преследований отказался дать такое обязательство:

«Все должностные лица, последовательно занимавшие пост Директора публичных преследований и Генерального атторнея¹, всегда поясняли, что они не будут предоставлять иммунитет от судебного преследования, который освобождает от ответственности за совершение какого-либо преступления,

требует или разрешает его совершить или подразумевает предоставление полномочий по его совершению, какими бы исключительными ни были обстоятельства <...>».

12. 20 августа 2001 г. заявительница обратилась в суд с тем, чтобы суд разрешил вопрос о законности и обоснованности решения Директора публичных преследований. Она добивалась, чтобы суд:
 - издал судебный приказ об отмене решения Директора публичных преследований от 8 августа 2001 г.;
 - признал, что указанное решение было незаконным или что Директор публичных преследований мог дать требуемое обязательство, не нарушая при этом закон;
 - издал обязывающий судебный приказ, требующий, чтобы Директор публичных преследований дал требуемое обязательство; или, в случае, если суд откажется это сделать,
 - признал, что статья 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года противоречит статьям 2, 3, 8, 9 и 14 Конвенции.
13. 17 октября 2001 г. апелляционное присутствие Отделения королевской скамьи Высокого суда отклонило требования заявительницы, решив, что Директор публичных преследований был не вправе дать обязательство не подвергать мужа заявительницы судебному преследованию и что часть 1 статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года не противоречит Конвенции.
14. Заявительница обжаловала это решение в Палату лордов Парламента Соединенного Королевства² (далее — Палата лордов). 29 ноября 2001 г. Палата лордов отклонила ее жалобу, оставив в силе решение апелляционного присутствия Отделения королевской скамьи Высокого суда. Вынося прецедентное решение по делу «Королева по жалобе г-жи Дианы Претти (истицы) на Директора публичных преследований (ответчика) и Министра внутренних дел (заинтересованную сторону)» [*The Queen on the Application of Mrs Diane Pretty (Appellant) v. Director of Public Prosecutions (Respondent) and Secretary of State for the Home Department (Interested Party)*], лорд Бингхэм Корнхилльский постановил:

«1. Никакой более или менее отзывчивый человек не может остаться равнодушным к страшному испытанию, которое выпало на долю истицы, г-жи Дианы Претти. Она страдает боковым амиотрофическим склерозом — прогрессирующей дегенеративной болезнью, и у нее нет никакой надежды на выздоровление. Ей немного осталось жить; ей угрожает унижительная и мучительная смерть. Она сохраняет ясность рассудка и хотела бы получить возможность принять меры к тому, чтобы мирно уйти из жизни тогда, когда она сама этого захочет. Однако ее физическое состояние сейчас таково, что она уже не может покончить с собой без посторонней помощи. Заручившись поддержкой своей семьи, она хочет прибегнуть к помощи своего мужа для совершения самоубийства. Муж истицы готов оказать ей такую помощь, но лишь в том случае, если у него будут гарантии, что он не подвергнется судебному преследованию по части 1 статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года за подстрекательство своей жены к самоубийству или за оказание ей содействия при совершении самоубийства. Когда Директора публичных преследований попросили дать обязательство, что согласно части 4 статьи 2 Закона

¹ Генеральный атторней [*Attorney General*] — высшее должностное лицо правительства Соединенного Королевства в сфере права и правоприменения. Генеральный атторней представляет в судах интересы Короны по наиболее важным делам, консультирует правительство по юридическим вопросам, выполняет важные функции, связанные с уголовным преследованием; под его надзором действует назначаемый им Директор публичных преследований (*примечание редакции*).

² В дополнение к своим законодательным функциям Палата лордов выступает в качестве высшей судебной инстанции страны. Она имеет юрисдикцию высшего апелляционного суда, а по некоторым делам — суда первой инстанции. Палата лордов рассматривает апелляционные жалобы на решения судов по гражданским делам на территории всей страны, а на решения судов Англии, Уэльса и Северной Ирландии — по уголовным делам (*примечание редакции*).

«О самоубийствах» 1961 года он не даст своего согласия на судебное преследование г-на Претти, если последний поможет своей жене совершить самоубийство. Директор отказался дать такое обязательство. Рассмотрев поданную г-ном Претти жалобу на этот отказ, апелляционное присутствие Отделения королевской скамьи Высокого суда оставило в силе решение Директора публичных преследований и отказалось удовлетворить требования г-на Претти. Г-жа Претти утверждает, что у нее есть право покончить с собой, воспользовавшись помощью своего мужа, и что статья 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года противоречит Европейской конвенции о защите прав человека, коль скоро она запрещает ей воспользоваться помощью своего мужа и не позволяет Директору публичных преследований дать обязательство не подвергать его судебному преследованию, если он все-таки окажет ей эту помощь. Именно от Конвенции, которая в Соединенном Королевстве введена в действие Законом «О правах человека» 1998 года [*Human Rights Act*], зависит судьба жалобы г-жи Претти. Ее адвокат признал от ее имени, что по нормам общего права Англии она не могла бы надеяться на успех.

2. При выполнении судебных функций Палаты лордов Апелляционный комитет обязан разрешать вопросы права, которые были в надлежащем порядке переданы на его рассмотрение. Именно так и были переданы на его рассмотрение вопросы, связанные с настоящим делом. Комитет не является органом законодательной власти. Он не обладает ни полномочиями, ни квалификацией, чтобы выступать в роли арбитра в моральной или этической сфере. Важно очертить роль Комитета и определить ее характер, поскольку общие вопросы, затронутые в данной жалобе, вызывают глубокий и вполне оправданный интерес у очень многих людей. Вопрос в том, должна ли у человека, страдающего неизлечимой болезнью, или у других людей быть возможность свободно добиваться получения содействия для того, чтобы совершить самоубийство, и если да, то при каких обстоятельствах и на условиях принятия каких мер предосторожности. Этот вопрос имеет большую социальную, этическую и религиозную значимость, и люди придерживаются самых разных взглядов на этот счет, будучи порой в них убеждены. Материалы, переданные на рассмотрение Комитета (с его разрешения), выражают некоторые из этих взглядов; множество других суждений выражалось в средствах массовой информации, специализированных журналах и в других источниках. Задачей Комитета при рассмотрении данной жалобы является не взвешивание, оценка либо отражение этих взглядов и убеждений и не претворение в жизнь своего собственного мнения по этому вопросу, а выявление и применение норм права страны, регулирующих эту проблему, в том виде, как они трактуются сегодня.

Статья 2 Конвенции

3. Статья 2 Конвенции гласит: <...>

Статья 2 Конвенции следует рассматривать во взаимосвязи со статьями 1 и 2 Протокола № 6 к Конвенции, закрепляющими некоторые из тех конвенционных прав, которые защищает Закон «О правах человека» 1998 года (см. пункт «с» части 1 статьи 1 упомянутого Закона). Эти статьи отменили смертную казнь в мирное время.

4. Адвокат г-жи Претти заявил от ее имени, что статья 2 Конвенции защищает не саму жизнь, а право на жизнь. Целью этой статьи Конвенции является защита людей от третьих лиц (государства и органов государственной власти). Однако эта статья Конвенции признаёт, что люди сами должны решать, жить им или нет, и тем самым защищает право человека на самоопределение в вопросах жизни и смерти. Таким образом, человек может отказаться от ле-

чения, направленного на то, чтобы спасти его жизнь или отсрочить наступление смерти. Он может принять решение покончить с собой, не нарушая при этом закон. Статья 2 Конвенции признаёт за человеком это право. Большинство людей хотят жить, но некоторые желают умереть, и статья 2 Конвенции защищает оба этих права. Право на смерть является не противоположностью, а закономерным следствием права на жизнь, и у государства есть позитивное обязательство по защите обоих этих прав.

5. Министр внутренних дел привел множество неоспоримых возражений против этого довода, к которым справедливо прислушалось апелляционное присутствие Отделения королевской скамьи Высокого суда. Отправным пунктом должна быть формулировка статьи 2 Конвенции. Основная идея этой статьи Конвенции отражает неприкосновенность, которую, особенно на Западе, приписывают жизни. Статья 2 Конвенции защищает право на жизнь и запрещает умышленно лишать человека жизни иначе как в обстоятельствах, перечень которых очень строго определен. При толковании такого рода статьи нельзя прийти к выводу, что она обеспечивает право на смерть или право совершить самоубийство, воспользовавшись помощью другого лица. Выдвигая доводы от имени г-жи Д. Претти, г-н Хаверс, королевский адвокат, прилагал все усилия к тому, чтобы ограничиться рассмотрением вопроса об оказании содействия при совершении самоубийства. Он признал, что отстаиваемое г-жой Претти право не может распространяться на лишение человека жизни с его согласия (обычно оно квалифицируется в данном контексте как «добровольная эвтаназия», но по нормам английского права оно считается убийством). Отстаиваемое право могло бы оказаться достаточным для дела г-жи Претти, и понятно нежелание ее адвоката развивать свои аргументы. Однако с точки зрения логики неоправданно проводить здесь различие. Если статья 2 Конвенции действительно наделяет каждого правом на самоопределение в вопросах жизни и смерти и если состояние человека настолько тяжело, что он не может покончить с собой самостоятельно, логичным и необходимым следствием этого является то, что у такого человека должно быть право умереть от руки третьего лица, не оказывая помощи этому третьему лицу. Вмешавшись в реализацию этого права, государство нарушило бы Конвенцию. Никакого такого права нельзя вывести из статьи, объект которой описывался выше.

6. Действительно, при толковании некоторых прав из тех, которые гарантирует Конвенция, делался вывод, что они предполагают возможность не делать нечто обратное тому, что явно разрешает соответствующее право. Статья 11 Конвенции, например, закрепляет право не вступать в организацию (постановление Европейского Суда по делу «Янг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства» [*Young, James and Webster v. the United Kingdom*], (1981) Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ЕНRR. Том 4, с. 38), статья 9 Конвенции включает в себя свободу от любого принуждения при выражении мыслей, при изменении своего мнения или при высказывании своих убеждений (см. статью: *Клейтон и Томлинсон*. Право в области прав человека. [*Clayton, Tomlinson. The Law of Human Rights*] (2000 год), с. 974, пункт 14.49). Я, со своей стороны, склоняюсь к мысли, что статья 12 Конвенции предусматривает право не вступать в брак (однако см. упомянутую статью: *Клейтон и Томлинсон*. Указ. соч., с. 913, пункт 13.76). Тем не менее нельзя предположить (опираясь на некоторые очевидные примеры), что статьи 3, 4, 5 и 6 Конвенции подразумевают право делать или испытывать нечто противоположное тому, что они гарантируют. Какие бы преимущества ни имели в глазах многих добровольная эвтаназия, самоубийство, само-

убийство с помощью врача и самоубийство без врачебного вмешательства, на эти преимущества не распространяется защита статьи 2 Конвенции, составленной так, чтобы защищать неприкосновенность жизни.

7. Практика конвенционных органов не поддерживает доводов г-жи Претти. Если и есть какие-то относящиеся к настоящему делу прецеденты, они неблагоприятны для истицы. Так, в деле «Осман против Соединенного Королевства» [*Osman v. the United Kingdom*] (1998) (Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 29, с. 245) заявители жаловались на то, что властям Соединенного Королевства не удалось защитить право на жизнь второго заявителя и его покойного отца. Европейский Суд заявил (с. 305):

«115. Европейский Суд отмечает, что первое предложение пункта 1 статьи 2 Конвенции предписывает государству не только воздерживаться от умышленного и незаконного причинения смерти, но и принимать меры, необходимые для защиты жизни тех, кто находится под его юрисдикцией. Никто не спорит, что обязательство государства в этой сфере выходит за пределы его первоочередной обязанности обеспечивать право на жизнь путем введения в действие эффективных уголовно-правовых норм, направленных на то, чтобы удерживать человека от совершения преступлений против личности. Они опираются на правоприменительный механизм, который предназначен для предупреждения и подавления нарушений этих норм, а также для назначения наказания за подобные нарушения. Таким образом, все, кто выступает перед Судом, согласны в том, что статья 2 Конвенции может в некоторых строго определенных обстоятельствах предполагать позитивное обязательство властей принимать в превентивном порядке активные меры, направленные на защиту тех, чья жизнь поставлена в опасность преступлениями, совершенными другими людьми. У сторон есть разногласия по поводу сферы действия этого обязательства».

116. По мнению Европейского Суда, необходимо принимать во внимание сложности, которые испытывает полиция при осуществлении своих функций в современном обществе, непредсказуемость поведения человека и практический выбор, который следует осуществлять с точки зрения приоритетов и ресурсов. Подобное обязательство надо трактовать таким образом, чтобы оно не налагало невозможное или несоразмерное бремя на органы власти. Соответственно, не всякая предполагаемая угроза жизни может привести к появлению у государства конвенционного обязательства принять конкретные меры для того, чтобы предотвратить реализацию этой угрозы. Другое соображение, имеющее отношение к настоящему делу, — это необходимость обеспечить, чтобы полиция осуществляла свои полномочия по борьбе с преступностью и профилактике преступлений, в полной мере уважая требования надлежащей правовой процедуры и иные гарантии, которые законным образом ограничивают их деятельность по расследованию преступлений и привлечению виновных к ответственности, в том числе гарантии, содержащиеся в статьях 5 и 8 Конвенции».

Обстоятельства данного дела совершенно иные. Ни у второго заявителя, ни у его отца никогда не было желания умереть. Однако то, как Европейский Суд истолковал в том деле статью 2 Конвенции, полностью совпадает с толкованием, которое дал ей я.

8. Дело «Х. против Германии» [*X. v. Germany*] (Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 7, с. 152) и дело «Кинан против Соединенного Королевства» [*Keenan v. the United Kingdom*] (жалоба № 27229/95; постановление Европейского Суда от 3 апреля 2001 г., не опубликовано) также разрешались в обстоятельствах, весьма отличающихся от фактов

настоящего дела. Находясь под стражей, Х. объявил голодовку, и администрация мест лишения свободы кормила его в принудительном порядке. Он жаловался на ненадлежащее обращение с ним, предположительно нарушавшее статью 3 Конвенции, которая будет рассмотрена ниже. Его жалоба была отклонена, и в ходе своих рассуждений Европейская комиссия по правам человека решила (с. 153 — 154):

«По мнению Европейской комиссии по правам человека, принудительное кормление лица, действительно, содержит в себе унижающие достоинство человека элементы, которые в определенных обстоятельствах можно считать запрещенными статьей 3 Конвенции. Согласно Конвенции, Высокие Договаривающиеся Стороны, тем не менее, обязаны также гарантировать каждому право на жизнь, как предусматривает статья 2 Конвенции. Такое обязательство должно в определенных обстоятельствах требовать от Договаривающихся Сторон позитивных действий, в частности, принятия активных мер по спасению жизни, когда власти заключают соответствующее лицо под стражу. Когда, как в настоящем деле, задержанный продолжает отказываться от пищи, это может привести к появлению противоречия между правом лица на физическую неприкосновенность и обязательством Высокой Договаривающейся Стороны, предусмотренным статьей 2 Конвенции. Этого противоречия нельзя избежать, и оно не разрешается самой Конвенцией. Комиссия напоминает, что по законодательству Германии это противоречие было устранено: принудительное кормление задержанного допускается, если объявленная им голодовка приведет к ущербу здоровью с хроническими последствиями. Принудительное кормление может быть даже обязательно, если очевидно, что опасности подвергается жизнь человека. Оценка вышеупомянутых условий лежит на компетентном враче, но принудительное кормление не может осуществляться до получения санкции суда <...> Комиссия считает, что власти действовали исключительно в интересах заявителя, делая выбор между тем, чтобы пойти навстречу его желанию не принимать пищи (а это могло привести к причинению вреда его здоровью с хроническими последствиями или даже к его смерти), и тем, чтобы принять меры к тому, чтобы он выжил, хотя такие меры могли бы ущемить человеческое достоинство заявителя».

В деле «Кинан против Соединенного Королевства» молодой заключенный совершил самоубийство, и его мать жаловалась в Европейский Суд на то, что администрации мест лишения свободы не удалось защитить его жизнь. В постановлении по этому делу, отклоняя жалобу на предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции, Суд заявил (с. 29, § 90):

«Относительно тех, кто отбывает наказание в местах лишения свободы, у Европейского Суда ранее была возможность подчеркнуть, что лица, содержащиеся под стражей, находятся в уязвимом положении и что у властей есть обязанность защищать их. Государство должно отвечать за любой ущерб здоровью человека, нанесенный во время содержания под стражей, и это обязательство становится особенно жестким, если этот человек умирает <...> Можно отметить, что необходимость контроля признается в законодательстве Англии и Уэльса, где по факту смерти лица, содержащегося в местах лишения свободы, автоматически проводится расследование, а национальные суды обязали администрацию мест лишения свободы заботиться о помещенных под стражу лицах».

Можно найти различия между упомянутыми выше делами и настоящим делом. Обжалуемые по тем делам действия имели место, когда жертва находилась под стражей в учреждениях государственной пенитенциарной системы и, соответственно, государство несло особую ответственность за благополучие жертвы. Можно легко согласиться с тем, что обязательства государства по защите жизни потенци-

альной жертвы становятся более жесткими, когда последняя находится под стражей в учреждениях государственной пенитенциарной системы. В данном отношении эти два дела отличаются от настоящего дела, так как г-жа Претти не находится под стражей в учреждениях государственной пенитенциарной системы. Поэтому позитивное обязательство государства по защите жизни г-жи Претти слабее, чем в упоминавшихся случаях. Тем не менее было бы очень серьезным и, на мой взгляд, совершенно недопустимым шагом, основываясь на этом предположении, прийти к выводу, что государство обязано было признать право г-жи Претти на совершение самоубийства с помощью другого человека.

9. Вес решений, которые принимаются на национальном уровне по вопросам, имеющим отношение к Конвенции, безусловно, ограничен, а жалоба г-жи Претти, как уже отмечалось, основана именно на Конвенции. Однако стоит отметить, что ее доводы противоречат двум принципам, глубоко укоренившимся в английском праве. Один из этих принципов касается различия между смертью лица, наступившей в результате его собственных действий, и смертью, наступившей в результате вмешательства или помощи третьих лиц. Первый из этих вариантов разрешен, так как уголовная ответственность за самоубийство была отменена в 1961 году. Второй же вариант так и остается запрещенным. Это различие было очень ясно изложено судьей Апелляционного суда Соединенного Королевства Хоффманом в решении по делу «Организация “Эйрдейл НХС траст” против Блэнда» [*Airedale NHS Trust v. Bland*] [1993] (Сборник судебных актов Апелляционного суда Соединенного Королевства AC 789, с. 831):

«Никто в этом деле не предполагает, что Энтони Блэнд должен подвергнуться эвтаназии. Однако вызывает опасения различие между прекращением питания лица и, например, прекращением лечения инфекционного заболевания посредством антибиотиков. Есть ли между этими вариантами какое-то существенное различие? Чтобы понять интуитивное ощущение, возникающее при рассмотрении вопроса о таком различии, я должен начать с поиска причины того, почему большинство из нас ужаснулось бы, если бы Блэнд подвергся эвтаназии. Я думаю, это ощущение связано с нашей позицией, что неприкосновенность жизни влечет за собой невозможность причинения человеку смерти другими лицами. За некоторыми исключениями, такими, как самооборона, жизнь человека неприкосновенна, даже если он согласится на то, чтобы его право на жизнь было нарушено. Поэтому, хотя самоубийство и не является преступлением, оказание кому-либо содействия при совершении самоубийства преследуется в уголовном порядке. Следовательно, мы не имели бы права подвергнуть Энтони Блэнда эвтаназии, даже если бы мы думали, что он согласится на это».

Еще одно различие существует между прекращением лечения, направленного на то, чтобы спасти жизнь пациента или отсрочить наступление смерти, и действиями, не оправданными с медицинской и терапевтической точки зрения либо с позиций временного облегчения страданий больного, но предпринятыми исключительно с целью причинить ему смерть. Это различие лежит в основе решений по делу Блэнда. Подобную идею весьма немногословно выразил Апелляционный суд Соединенного Королевства в своем решении по делу «In re J. (несовершеннолетний) (опека: медицинская помощь)» [*In re J. (A Minor) (Wardship: Medical Treatment)*] [1991] Сборник судебных актов Отделения по семейным делам Высокого суда Соединенного Королевства Fam 33, в котором начальник судебных архивов¹, лорд Дональдсон Лимингтонский заявил (с. 46):

«Врачи и суд должны решить, надо ли в интересах больного

ребенка что-нибудь решать относительно лечения, побочный эффект которого заключается в том, что смерть ребенка станет более или менее вероятной. Это не вопрос семантики. Это очень важно. На другом конце возрастного ряда использование наркотиков для купирования боли часто полностью оправданно, несмотря на то, что оно приближает смерть. Но ни при каких обстоятельствах не может быть оправданно использование наркотиков или хирургическое вмешательство, имеющее своей основной целью ускорить наступление смерти».

Сходные замечания высказали лорд-судья Бэлкомб (с. 51) и лорд-судья Тэйлор (с. 53). Хотя Европейский Суд по правам человека никоим образом не обязан учитывать эти различия, нет оснований предполагать, что они несовместимы с практикой конвенционных органов. Г-же Претти недостаточно показать, что Соединенное Королевство не нарушило бы Конвенцию, разрешив ей воспользоваться помощью другого человека при совершении самоубийства; она должна пойти дальше и доказать, что, не разрешив ей этого сделать, Соединенное Королевство нарушило бы Конвенцию. Такого рода утверждения, на мой взгляд, несостоятельны, как справедливо решило Апелляционное присутствие Отделения королевской скамьи Высокого суда.

Статья 3 Конвенции

10. Статья 3 Конвенции гласит: <...>

Это одна из статей Конвенции, отступления от которой государство — участник Конвенции не может допустить даже в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации: см. статью 15 Конвенции. Для удобства я буду использовать словосочетание «ненадлежащее обращение» для обозначения «бесчеловечного или унижающего достоинство обращения», как этот термин используется в Конвенции.

11. Коротко говоря, доводы, приведенные от имени г-жи Претти, включают в себя следующие соображения:

(1) У государств — участников Конвенции есть абсолютное и безусловное обязательство не обращаться ни с кем ненадлежащим образом, а также принимать позитивные меры по недопущению того, чтобы кто-либо подвергся ненадлежащему обращению (см. постановление Европейского Суда по делу «А. против Соединенного Королевства» [*A. v. the United Kingdom*] (1998), Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 27, с. 611; а также постановление Европейского Суда по делу «Z. против Соединенного Королевства» [*Z. v. the United Kingdom*] (2001), Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека FLR. Том 2, с. 631, § 73).

(2) Страдания, связанные с развитием болезни, могут являться ненадлежащим обращением, если государство может предупредить или смягчить эти страдания, но не делает этого (см. постановление Европейского Суда по делу «D. против Соединенного Королевства» [*D. v. the United Kingdom*] (1997), Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 24, с. 446—449, § 46—54).

(3) Если Соединенное Королевство откажет г-же Претти в возможности положить конец своим страданиям, оно (в лице Директора публичных преследований) подвергнет ее ненадлежащему обращению. Государство может избавить г-жу Претти от страданий, которые ей в ином случае придется испытать, так как, если Директор публичных преследований обязуется не давать своего согласия на судебное преследование, г-н Претти поможет своей жене

¹ Начальник судебных архивов [*Master of the Rolls, MR*] — титул главы Государственного архива Великобритании, который по старшинству должностей следует за Лордом Главным Судьей и фактически является председателем Апелляционного суда Соединенного Королевства (примечание редакции).

совершить самоубийство, и она не испытает значительных страданий.

(4) Поскольку Апелляционное присутствие Отделения королевской скамьи Высокого суда сочло, что Конвенция дает Соединенному Королевству возможность не запрещать совершение самоубийства с помощью другого человека, Директор публичных преследований может дать требуемое обязательство, не нарушая конвенционных обязательств Соединенного Королевства.

(5) Если Директор публичных преследований не может дать обязательство, о котором идет речь, то статья 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года противоречит Конвенции.

12. От имени Министра внутренних дел было заявлено, что настоящее дело вообще не затрагивает статью 3 Конвенции; в случае же, если какие-либо права, охраняемые этой статьей Конвенции, все-таки затронуты, в их число не входит право на смерть. В защиту первого из этих доводов утверждалось, что в настоящем деле не было допущено нарушения запрета, содержащегося в этой статье Конвенции. Негативный запрет, содержащийся в статье 3 Конвенции, является абсолютным и безусловным, однако позитивные обязательства, которые из него вытекают, не абсолютны (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Осман против Соединенного Королевства»; постановление Европейского Суда по делу «Рис против Соединенного Королевства» [*Rees v. the United Kingdom*] (1986), Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 9, с. 56). На государство может быть возложена обязанность защищать жизнь и здоровье лиц, заключенных под стражу (как произошло в упомянутом выше деле «Кинан против Соединенного Королевства»), а также по обеспечению того, чтобы никто не подвергался ненадлежащему обращению со стороны частных лиц, не являющихся представителями государства (как произошло в упомянутом выше деле «А. против Соединенного Королевства»).

Государство не может принимать по отношению к лицу прямых мер, которые неизбежно повлекут за собой ненадлежащее обращение с ним (постановление Европейского Суда по делу «D. против Соединенного Королевства» [*D. v. the United Kingdom*] (1997), Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 24, с. 423). В то же время г-жа Претти не может ссылаться ни на одно из этих обязательств применительно к настоящему делу. Как утверждалось в защиту второго аргумента, будучи далеко от того, чтобы предположить, будто государство юридически обязано обеспечивать ей лечение с целью облегчить ее состояние и отсрочить наступление ее смерти, г-жа Претти считает, что у государства есть юридическая обязанность предусмотреть в национальном законодательстве способ причинения ей смерти. Ни формулировки Конвенции, ни прецедентная практика Страсбургского суда не дают оснований предполагать, что какая-либо обязанность подобного рода вытекает из статьи 3 Конвенции. Решение о том, насколько далеко должно заходить государство в исполнении своего позитивного обязательства по защите людей от ненадлежащего обращения, остается за государствами — участниками Конвенции, которые должны принимать во внимание все интересы и соображения, имеющие отношение к данному вопросу. К такому решению, хотя оно и может быть пересмотрено, следует относиться с уважением. Соединенное Королевство провело глубокий анализ этих вопросов и решило не менять своей нынешней позиции.

13. Статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей любого демократического общества, и содержащийся в ней запрет на ненадлежащее обращение является абсолютным (см. постановление Европейского Суда по

делу «D. против Соединенного Королевства» [*D. v. the United Kingdom*] (1997), Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 24, с. 447, § 47). Статья 3 Конвенции, как мне кажется, дополняет статью 2 Конвенции. Как статья 2 Конвенции требует от государств уважать и гарантировать жизнь людей, находящихся под их юрисдикцией, так и статья 3 Конвенции обязывает государства уважать их физическую и человеческую целостность. На мой взгляд, статья 3 Конвенции не защищает права человека решать, жить ему или нет. Эти вопросы она не регулирует. Действительно, как становится ясно из упомянутого выше постановления Европейского Суда по правам человека по делу «X. против Германии», государство иногда может в целях соблюдения статьи 2 Конвенции обращаться с человеком так, что в иных обстоятельствах это привело бы к нарушению статьи 3 Конвенции, и такое поведение государства оправданно. Кроме того, абсолютный и безусловный запрет того, чтобы государство — участник Конвенции обращалось с кем-либо ненадлежащим образом, требует, чтобы такое «обращение» не понималось в неограниченном или необычном смысле. На мой взгляд, нельзя предположить, что Директор публичных преследований или любой другой представитель Соединенного Королевства обращается с г-жой Претти, страдания которой вызваны тяжелой болезнью, ненадлежащим образом: это было бы неправдоподобно.

14. Наибольшую помощь г-же Претти способно оказать постановление Европейского Суда по делу «D. против Соединенного Королевства» [*D. v. the United Kingdom*] (1997) (Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 24, с. 423), касающееся высылки на остров Сент-Китс человека, у которого был СПИД в последней стадии. Заявитель, основываясь на положениях Конвенции, возражал против реализации решения о его высылке, ссылаясь при этом на состояние своего здоровья, отсутствие у него возможностей получать надлежащее лечение, уход или помощь на остров Сент-Китс. Также заявителю не хотелось бы допустить прекращения в Соединенном Королевстве режима, в рамках которого ему гарантировалось обеспечение современными медикаментами и оказание медицинской помощи, отвечающей всем современным требованиям, а все вокруг относились к нему с сочувствием и состраданием. Европейский Суд решил, что исполнение решения о высылке заявителя на остров Сент-Китс являлось бы с учетом обстоятельств дела бесчеловечным обращением, допустив которое Соединенное Королевство нарушило бы статью 3 Конвенции. В этом деле государство предлагало принять в отношении заявителя прямые меры, неизбежным следствием которых стало бы резкое усугубление его страданий и сокращение продолжительности его жизни. Предложенная властями Соединенного Королевства высылка заявителя фактически могла считаться «обращением». Аналогично с этим делом можно было бы усмотреть и в настоящем случае, если бы какое-либо должностное лицо запретило давать г-же Претти болеутоляющие или успокаивающие средства. Однако истица утверждает, что ненадлежащее обращение заключается в отказе Директора публичных преследований заранее предоставить г-ну Претти иммунитет от уголовного преследования в случае, если он совершит преступление. Никакой легитимный метод толкования норм права не может привести к выводу, что этот отказ подпадает под действие негативного запрета, содержащегося в статье 3 Конвенции.

15. Если предположить, что статья 3 Конвенции вообще может применяться к таким делам, как это, а также что с точки зрения фактов нарушение негативного запрета, содержащегося в этой статье Конвенции, недоказуемо, то возникает вопрос, нарушило ли Соединенное Королевство (в лице Директора публичных преследований) свое пози-

тивное обязательство принимать меры по профилактике ненадлежащего обращения. С этой точки зрения обязательство государства не абсолютно и не безусловно, как показывает отрывок из постановления Европейского Суда по правам человека по делу «Осман против Соединенного Королевства», который цитировался выше, в пункте 7 настоящего решения. Этот же принцип был признан Европейским Судом в его постановлении по делу «Рис против Соединенного Королевства» (1986) (Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 9, § 37, с. 63—64), в котором Европейский Суд заявил:

«37. Как Европейский Суд указал в своем упомянутом выше постановлении по делу «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» [*Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom*], понятие «уважение» нигде четко не определено, особенно если речь идет о позитивных обязательствах: если учитывать всё разнообразие правоприменительной практики и условий, которые складываются в Договаривающихся Государствах, предъявляемые этим понятием требования в значительной степени меняются в зависимости от обстоятельств конкретного дела.

Эти соображения особенно уместны в контексте настоящего дела. Несколько государств путем принятия соответствующего законодательства, толкования правовых норм или административной практики предоставили транссексуалам возможность изменить их личный статус, чтобы они могли соответствовать своему вновь обретенному самоощущению. Они, однако, обусловили использование этой возможности более или менее строгими требованиями и сохранили множество явно выраженных оговорок (например, в отношении ранее взятых на себя обязательств). В других государствах такая возможность отсутствует или пока отсутствует. Следовательно, можно сказать, что в настоящее время в Договаривающихся Государствах отсутствует единый подход к этому вопросу и что, вообще говоря, соответствующее законодательство, по-видимому, находится в переходной стадии. Соответственно, в этой сфере Договаривающихся Государств пользуются широкой свободой собственного усмотрения.

При определении того, есть ли у государства позитивное обязательство, необходимо принимать во внимание справедливое равновесие, которое следует соблюдать между общим интересом сообщества и интересами личности. Поиск этого равновесия — характерная особенность всей Конвенции. При его поддержании определенную роль могут играть цели, указанные в пункте 2 статьи 8 Конвенции, хотя эта статья, судя по ее формулировке, относится лишь к «вмешательству» в реализацию права, охраняемого пунктом 1 этой статьи Конвенции, — другими словами, в ней идет речь о вытекающих из этого пункта негативных обязательствах».

Это дело, «Рис против Соединенного Королевства», касалось статьи 8 Конвенции, и в нем затрагивались совершенно другие вопросы, нежели в настоящем деле. Тем не менее соображения, приведенные Европейским Судом, имеют более общий характер. Понятно, что, если на государства может распространяться абсолютный запрет ненадлежащим образом обращаться с теми, кто находится под их юрисдикцией, меры, необходимые для выполнения позитивного обязательства или способствующие его выполнению, окажутся более поверхностными, они в большей степени будут склонны меняться от государства к государству, будут более зависимы от мнений и убеждений людей и менее подвержены какому-то всеобщему запрету. По причинам, более детально изложенным ниже, в пунктах 27 и 28 настоящего решения, нельзя, на мой взгляд, сказать, что у Соединенного Коро-

левства есть позитивное обязательство обеспечить, чтобы неизлечимо больной человек, сохранивший ясность рассудка, который хочет, но не может покончить с собой, имел право воспользоваться для этого помощью другого лица, не подвергая его опасности судебного преследования.

Статья 8 Конвенции

16. Статья 8 Конвенции гласит: <...>

17. Адвокат г-жи Претти считает, что эта статья Конвенции гарантирует право на самоопределение личности (См. постановление Европейского Суда по делу «X. и Y. против Нидерландов» [*X. and Y. v. the Netherlands*] (1985), Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 8, с. 235; решение Верховного суда Канады по делу «Родригез против Генеральной атторнея Канады» [*Rodriguez v. Attorney General of Canada*] [1994], Сборник судебных актов судов Канады LRC. Том 2, с. 136; решение Отделения по семейным делам Высокого суда Соединенного Королевства по делу «In re A. (дети) (сросшиеся близнецы: хирургическая операция по их разделению)» [*In re A. (Children) (Conjoined Twins: Surgical Separation)*] [2001] Сборник судебных актов Отделения по семейным делам Высокого суда Соединенного Королевства Fam 147). Это право включает в себя возможность определять, когда и как умереть, чтобы избежать страданий и унижения достоинства. Часть 1 статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года является вмешательством государства в реализацию этого права на самоопределение личности; следовательно, Соединенное Королевство должно показать, что такое вмешательство удовлетворяет предъявляемым Конвенцией требованиям законности, необходимости и соразмерности, а также соответствует настоятельной общественной потребности (см. решение по делу «R. против A. (№ 2)» [*R. v. A. (No. 2)*] [2001] Ежедневное обозрение судебных актов WLR. Том 2, с. 1546; постановление Европейского Суда по делу «Йохансен против Норвегии» [*Johansen v. Norway*], (1996) Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 23, с. 33; а также решение по делу «R. (P) против Министра внутренних дел» [*R. (P) v. Secretary of State for the Home Department*] [2001] Ежедневное обозрение судебных актов WLR. Том 1, с. 2002). Там, где объектом вмешательства является интимная сфера личной жизни человека, в его оправдание должны приводиться особенно серьезные соображения (см. постановление Европейского Суда по делу «Смит и Грейди против Соединенного Королевства» [*Smith and Grady v. the United Kingdom*] (1999) 29 Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 29, с. 530, § 89). В этом случае суд должен определить, является ли несоразмерным отказ Директора публичных преследований дать требуемое обязательство и в том, что касается Министра внутренних дел, соразмерно ли вмешательство в реализацию права г-жи Претти на самоопределение какой-либо правомерной цели, которую преследует запрет на оказание содействия при совершении самоубийства. Адвокат истицы особо подчеркивает некоторые особенности дела г-жи Претти: ясность ее рассудка; ужасающие перспективы, которые перед ней возникают; ее желание покончить с собой, если бы она могла это сделать; неотвратимость ее смерти; отсутствие вреда третьим лицам в случае, если она совершит самоубийство; отсутствие далеко идущих последствий в случае удовлетворения ее исковых требований. Адвокат заявительницы считает, что абсолютный запрет, содержащийся в части 1 статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года, если применять его без учета обстоятельств конкретных дел, целиком и полностью несоразмерен и приведенные материалы его не

оправдывают. Он ссылается при этом на решение Европейской комиссии по правам человека по делу «R. против Соединенного Королевства» [*R. v. the United Kingdom*] (1983) (Сборник решений и докладов Европейской комиссии по правам человека DR. Том 33, с. 270 и постановление Европейского Суда по делу «Санлес против Испании» [*Sanles v. Spain*] [2001], Обзор европейского права в области прав человека EHRLR 348).

18. Министр внутренних дел задался вопросом, затрагивает ли вообще настоящее дело права г-жи Претти, охраняемые статьей 8 Конвенции, и дал на этот вопрос отрицательный ответ. Он считает, что право на личную жизнь, предусмотренное статьей 8 Конвенции, относится к тому, как человек живет, а не к тому, как он уходит из жизни. Любая попытка обосновать право на смерть положениями статьи 8 Конвенции терпит неудачу в точности по тем же причинам, что и попытка обосновать это право на статье 2 Конвенции: предполагаемое право на смерть свело бы на нет даже те преимущества, которые оно, по-видимому, предоставляет. Статья 8 Конвенции защищает физическую, моральную и психическую целостность личности, в том числе права человека на его собственное тело. В то же время нет оснований предполагать, что она гарантирует право принимать решение о том, когда и как умереть. Министр внутренних дел также заявляет, что в случае необходимости часть 1 статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года и сформировавшаяся в настоящее время практика ее применения могут быть полностью оправданы по существу. Он отмечает, что государства — участники Конвенции пользуются определенной свободой усмотрения, что в Соединенном Королевстве этим вопросам было уделено много внимания и что во множестве государств — участников Конвенции установился единообразный подход к этим вопросам. Он обращает внимание на постановление Европейского Суда по делу «Ласки, Джаггард и Браун против Соединенного Королевства» [*Laskey, Jaggard and Brown v. the United Kingdom*] (1997) (Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 24, с. 39), в котором Суд счел оправданным введение уголовной ответственности за причинение вреда здоровью лица с его согласия и предположил, что введение уголовной ответственности за лишение человека жизни с его согласия или самоубийство с помощью другого лица должно подкрепляться еще более серьезными соображениями.

19. Наиболее обстоятельное и всестороннее обсуждение вопросов, поднимаемых настоящей жалобой, которое мне известно, содержится в решениях Верховного суда Канады по делу «Родригез против Генерального атторнея Канады» [1994] (Сборник судебных актов судов Канады LRC. Том 2, с. 136). Истица по этому делу страдала заболеванием, с юридической точки зрения ничем не отличавшимся от болезни г-жи Претти; ее организм также был парализован; она добивалась издания судебного приказа, который позволил бы квалифицированному врачу подготовить технические средства, воспользовавшись которыми она могла бы своими собственными руками, но с помощью врача покончить с собой тогда, когда она сама этого захочет. Самоубийство в Канаде не является преступлением, однако пункт «b» статьи 241 Уголовного кодекса Канады использует практически те же формулировки, что и часть 1 статьи 2 английского Закона «О самоубийствах» 1961 года. Истица основывала свою жалобу на Канадской Хартии прав и свобод, которая в части, имеющей отношение к ее делу, содержит следующие статьи:

«(1) Канадская Хартия прав и свобод гарантирует права и свободы, которые в ней указаны. Эти права и свободы мо-

гут ограничиваться только нормами права в пределах, считающихся разумными, и оправданность которых может быть объяснена в свободном и демократическом обществе.

(7) Каждый имеет право на жизнь, свободу и безопасность своей личности; и этих прав нельзя лишить иначе как в соответствии с основными принципами отправления правосудия.

(12) Каждый имеет право на защиту от жестокого и необычного обращения или наказания.

(15) (1) Закон не делает различий для лиц и в равной мере применяется ко всем, и все имеют право на равную защиту и равное покровительство закона, независимо от каких-либо различий, в частности, основанных на признаках расы, национального или этнического происхождения, цвета кожи, религии, пола, возраста или вследствие психических или физических недостатков».

Судья, рассматривавший дело по первой инстанции, отклонил жалобу г-жи Родригез. Мотивы его решения были кратко изложены на с. 144 следующим образом:

«Способность г-жи Родригез действовать по своему усмотрению в вопросах, имеющих отношение к времени и обстоятельствам ее смерти, была ограничена из-за болезни, которой она страдает, а не по вине государства или системы правосудия».

Судья установил, что требования статьи 12 Хартии нарушены не были, и заявил:

«Толковать статью 7 Хартии и приходиться при этом к выводу, что она включает в себя конституционно гарантируемое право на совершение самоубийства как формы реализации свободы выбора, несовместимо, на мой взгляд, с жизнью, свободой и неприкосновенностью личности».

Судья также пришел к выводу, что статья 241 Уголовного кодекса Канады не допускает дискриминации лиц с физическими недостатками.

20. Апелляционный суд Британской Колумбии¹ большинством голосов постановил (с. 148), что, хотя действие статьи 241 Уголовного кодекса Канады и лишает г-жу Родригез ее права на личную неприкосновенность, гарантированного статьей 7 Хартии прав и свобод, оно, тем не менее, не противоречит принципам высшей справедливости. Председатель суда, г-н Макичерн, не согласившись с мнением большинства судей, пришел к выводу (с. 146), что, предусмотрев запрет, следствием которого стало продление физических и психических страданий лица, государство *prima facie*² допустило нарушение статьи 7 Хартии. По его мнению, любая норма права, предполагающая бессмысленные физические и психические страдания человека, который и так скоро умрет, в течение неопределенного срока, в любом случае не может соответствовать принципам высшей справедливости.

21. В Верховном суде Канады мнения вновь разделились. От имени большинства судей решение написал судья Сопинка, и к его позиции присоединились судьи Ля Форест, Гонтье, Якобуччи и Мейджор. В своем решении судья Сопинка указал (с. 175):

«Предварительно я отвергаю довод о том, что проблемы истицы вызваны ее физическими недостатками, являющимися следствием неизлечимой болезни, а не действиями властей. Несомненно, запрет, содержащийся в пункте «b» статьи 241 Уголовного кодекса Канады, усугубит страдания истицы, если ей не дадут распорядиться своей смертью в обстоятельствах, наступления которых она опасается».

Далее судья Сопинка заявил (с. 175):

«Я нахожу более обоснованным довод о том, что неприкосновенность личности в силу своего характера не может

¹ Британская Колумбия — одна из провинций Канады (примечание редакции).

² *Prima facie* (лат.) — по первому впечатлению (примечание редакции).

включать в себя право на причинение смерти другому человеку, так как неприкосновенность личности, по существу, связана с благополучием живого человека».

Судья Сопинка продолжил (с. 177—178):

«Тогда не остается никаких сомнений в том, что понятие независимости личности, по крайней мере, тогда, когда речь идет о праве принимать решения, касающиеся себя самого, контроля над собственной физической и психологической целостностью и базового достоинства человека, включает в себя неприкосновенность личности, по крайней мере, в отсутствие уголовно-правовых запретов, которые этому препятствуют. Вследствие запрета, содержащегося в пункте «b» статьи 241 Уголовного кодекса Канады, истица не может воспользоваться помощью другого человека для совершения самоубийства, тогда как она уже не может покончить с собой самостоятельно <...> На мой взгляд, эти соображения заставляют сделать вывод, что запрет, содержащийся в пункте «b» статьи 241 Уголовного кодекса Канады, лишает истицу ее независимости и причиняет ей такую физическую боль и психические страдания, что это посягает на неприкосновенность ее личности. Следовательно, настоящее дело касается права истицы на личную неприкосновенность (во взаимосвязи с ее правом на жизнь и свободу), и необходимо установить, была ли она лишена этих прав в нарушение принципов высшей справедливости».

Судья Сопинка пришел к выводу (с. 189), что:

«Учитывая опасения, высказывавшиеся по поводу возможных злоупотреблений, и значительные сложности, связанные с разработкой гарантий их недопущения, нельзя сказать, что абсолютный запрет на оказание содействия при совершении самоубийства является произволом или несправедливостью или что он не отражает основополагающих ценностей нашего общества».

Относительно статьи 1 Хартии судья Сопинка заявил (с. 192—193):

«В своем анализе статьи 7 Хартии прав и свобод я попытался показать, что эта защита основана на единообразном подходе, который разделяет множество западных государств, медицинских организаций и наша собственная Комиссия по правовой реформе. Лучшим способом эффективно защитить жизнь людей, находящихся в уязвимом положении, является не предусматривающий исключений запрет на оказание содействия при совершении самоубийства. Попытки дифференцировать этот подход, предусмотрев исключения из его действия, не привели к удовлетворительному результату и имели свойство «хватать через край». Разработка гарантий, направленных на недопущение злоупотреблений, также привела к неудовлетворительному результату и не развеяла опасений, что ослабление стандарта, четко заданного законом, приведет к ухудшению защиты жизни и к злонамеренному использованию предусмотренных исключений».

Судья Сопинка отклонил жалобы истицы на предполагаемое нарушение статей 12 и 15 Хартии прав и свобод.

22. Председатель Верховного суда Канады Ламер поддержал позицию истицы, но согласившись с мнением большинства судей, но он сделал это по основаниям, связанным с дискриминацией лишь по статье 15 Хартии прав и свобод. Судья Маклачлин (к мнению которой присоединилась судья Л'Оро-Дюбэ) пришла к выводу, что по делу была нарушена не статья 15, а статья 7 Хартии. По ее мнению, дело затрагивало вопрос о том, каким образом государство может ограничить право человека принимать решения, касающиеся его самого, по статье 7 Хартии (с. 194). Она заявила (с. 195):

«В настоящем деле Парламент ввел в действие законодательство, которое не запрещает самоубийства, но предусматривает уголовную ответственность за оказание содей-

ствия при его совершении. В результате этого некоторые люди лишаются возможности покончить с собой лишь потому, что они в силу своего физического состояния не могут совершить самоубийство. Это лишает г-жу Сью Родригез личной неприкосновенности (ее права принимать решения относительно себя самой, которые не затрагивают никого, кроме ее самой) так, что это оскорбляет принципы высшей справедливости и тем самым нарушает статью 7 Хартии <...> Возможность человека свободно и независимо принимать решения о том, что лучше для него самого, является элементом индивидуальности и достоинства личности».

Судья Маклачлин решила (с. 197), что:

«<...> отказ разрешить г-же Сью Родригез то, что позволено другим, противоречит принципам высшей справедливости хотя бы потому, что, возможно, другие люди в какой-то момент могут получить не содействие при совершении самоубийства, чего она добивается, а стать жертвой убийства без своего истинного согласия».

Судья Кори также не согласился с мнением большинства судей, разделив точку зрения председателя Верховного суда Канады Ламера и судьи Маклачлин.

23. Очевидно, все судьи Верховного суда Канады, за исключением одного, готовы были признать, что статья 7 Хартии прав и свобод закрепляет право личности на независимость, и это право распространяется даже на решения по вопросам жизни и смерти. Г-жа Претти ссылается, в частности, — и ее можно в этом понять — на решение судьи Маклачлин, к которому присоединилось двое других судей. Однако большинство судей признало, что это право в обстоятельствах дела перевешивается принципами высшей справедливости. Кроме того, решения суда касались нормы права, не имеющей аналога в Европейской конвенции. В Европейской конвенции право на свободу и личную неприкосновенность закреплено лишь в пункте 1 статьи 5 Конвенции, на которую истица по настоящему делу не ссылается или не может сослаться. В статье 8 Конвенции ничего не сказано о свободе или личной неприкосновенности. Она направлена на защиту личной жизни человека, в том числе его физической и психической целостности: см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Х и Y против Нидерландов». Однако формулировка статьи 8 Конвенции направлена на защиту независимости человека до тех пор, пока он жив, и нет оснований предполагать, что эта статья Конвенции распространяется на решение человека о том, продолжать ему жить или нет.

24. Доводы г-жи Претти никак не подкрепляются практикой Страсбургских органов. В деле «R. против Соединенного Королевства» [R. v. the United Kingdom] (1983) (Сборник решений и докладов Европейской комиссии по правам человека DR. Том 33, с. 270) английский суд признал заявителя виновным в том, что он подстрекал к самоубийству, оказывал содействие при его совершении, а также вошел для этого в преступный сговор, и назначил ему наказание в виде лишения свободы. Заявитель жаловался в Европейскую комиссию по правам человека на то, что признание его виновным в совершении этих преступлений по статье 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года и назначение наказания за них является нарушением его права на уважение личной жизни, предусмотренного статьей 8 Конвенции, а также его права свободно выражать свое мнение, предусмотренного статьей 10 Конвенции. В пункте 13 своего решения Европейская комиссия по правам человека отметила:

«Комиссия не считает, что действия, в совершении которых заявитель был признан виновным, а именно оказание содействия при совершении самоубийства, можно отнести к его личной жизни, как это понятие описано выше. Можно предположить, что эти действия напрямую касаются личной жизни тех, кто собирается совершить самоубий-

ство. Однако из этого не следует, что рассматриваемое дело имеет отношение к праву заявителя на личную жизнь. Наоборот, Комиссия считает, что когда кто-то подстрекает другого человека совершить самоубийство, оказывает ему содействие или дает советы при его совершении либо способствует самоубийству, то эти действия не относятся к личной жизни, поскольку они посягают на общественный интерес в защите жизни, который и находит свое отражение в уголовно-правовых нормах, содержащихся в Законе «О самоубийствах» 1961 года».

Это мнение Европейской комиссии по правам человека, выраженное достаточно осторожно, в некоторой степени благоприятствует позиции г-жи Претти. Тем не менее по поводу жалоб заявителя на предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции Европейская комиссия заявила следующее (§ 17 решения Комиссии по правам человека, с. 272):

«Комиссия полагает, что в обстоятельствах данного дела было допущено вмешательство в осуществление заявителем права распространять информацию. Тем не менее Комиссия должна учитывать правомерный интерес государства в этой сфере в принятии мер, направленных на защиту от уголовно наказуемых посягательств на жизнь своих граждан, особенно тех из них, кто менее всего защищен в социальном плане по возрасту или из-за болезни. Комиссия признаёт, что по Конвенции государство имеет право защищаться от уголовно наказуемых злоупотреблений, которые неизбежны в отсутствие законодательства, преследующего оказание содействия при самоубийстве и подстрекательство к его совершению. Тот факт, что в рассматриваемом деле заявитель и его пособник, по-видимому, действовали умышленно, по мнению Комиссии, не меняет оправданность общего интереса».

Этот вывод нельзя увязать с предположением, согласно которому запрет на оказание содействия при совершении самоубийства противоречит Конвенции.

25. В основе дела «Санлес против Испании» [*Sanles v. Spain*] [2001] (Обзор европейского права в области прав человека EHRLR 348) лежат обстоятельства, сходные с обстоятельствами настоящего дела, за исключением того, что жертва болезни, приведшей к потере трудоспособности, умерла, и решение по существу ее дела так и не было вынесено. Заявительница приходится невесткой покойному. Суд признал, что она не является жертвой нарушения Конвенции и, таким образом, предполагаемые нарушения Конвенции не затрагивают ее непосредственно. Некоторый интерес представляет тот факт, что заявительница основывала свои требования на статьях 2, 3, 5, 9 и 14 Конвенции, но, по-видимому, не на статье 8 Конвенции.

26. Со своей стороны, я согласился бы с доводом Министра внутренних дел, что настоящее дело вообще не затрагивает прав г-жи Претти, предусмотренных статьей 8 Конвенции. Если же этот вывод неверен и запрет на оказание содействия при совершении самоубийства, содержащийся в статье 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года, посягает на права истицы, предусмотренные статьей 8 Конвенции, то необходимо установить, доказал ли Министр внутренних дел оправданность этого посягательства с точки зрения пункта 2 статьи 8 Конвенции или нет. Рассматривая этот вопрос, я использовал бы критерии, необходимость применения которых отстаивал адвокат г-жи Претти. Эти критерии четко сформулированы в упомянутых выше делах.

27. Поскольку уголовная ответственность за самоубийство была отменена в 1961 году, вопрос о том, надо ли также отменять уголовную ответственность за оказание содействия при совершении самоубийства, обсуждался многократно. Комитет по пересмотру уголовного законодательства в своем четырнадцатом докладе (1980, официальный правительственный документ Cmnd 7844) сообщил о некотором разбросе во мнениях заслуженных юристов,

входящих в его состав, и признал необходимость проводить различие между оказанием содействия лицу, твердо решившему покончить с собой, и более одиозным случаем, когда один человек убедил другого совершить самоубийство. Однако большинство членов Комитета было убеждено в том, что уголовная ответственность за оказание содействия при самоубийстве и за подстрекательство к его совершению должна быть сохранена (с. 60—61, § 135).

28. После того, как Апелляционный суд Соединенного Королевства вынес решение по делу «Организация “Эйрдейл НХС траст” против Блэнда» [*Airedale NHS Trust v. Bland*] [1993] (Сборник судебных актов Апелляционного суда Соединенного Королевства AC 789), Специальный комитет Палаты лордов по медицинской этике, заседая в гораздо более широком составе, получил всесторонние доказательства и опубликовал их. В своем докладе (HL 21-1, 1994, с. 11, § 26) Комитет провел различие между совершением самоубийства с помощью другого лица и совершением самоубийства с помощью врача. Его вывод был однозначен (с. 54, § 262):

«Что касается самоубийств, совершаемых с помощью другого человека, мы не видим причин рекомендовать внести в законодательство какие-либо изменения. Мы не усматриваем обстоятельств, в которых самоубийство, совершенное с помощью другого лица, должно быть разрешено, и мы не находим никаких оснований проводить в этом отношении различие между помощью врача и помощью любого другого лица при совершении самоубийства».

Правительство в своем ответе (май 1994 г., официальный правительственный документ Cm 2553) приняло эту рекомендацию:

«Мы согласны с этой рекомендацией. Как правительство заявило в своих замечаниях, направленных в Комитет, отмена уголовной ответственности за покушение на самоубийство в 1961 году сопровождалась недвусмысленным подтверждением запрета действий, направленных на причинение смерти другому лицу. Правительство не видит оснований для того, чтобы разрешить оказывать содействие при совершении самоубийства. Такое изменение открыло бы путь для злоупотреблений и подвергло бы опасности жизнь слабых и уязвимых членов общества».

Сходный подход использован и в Рекомендации Совета Европы № 1418 (1999 год) по защите прав человека и достоинства неизлечимо больных и умирающих лиц. В этой Рекомендации сказано (с. 2—4):

«9. Поэтому Ассамблея рекомендует Комитету министров поощрять государства — члены Совета Европы к уважению и защите достоинства неизлечимо больных или умирающих лиц во всех отношениях: <...>

(с) путем оставления в силе запрета на умышленное причинение смерти неизлечимо больным или умирающим лицам:

(i) признавая, что право на жизнь, особенно если речь идет о неизлечимо больном или умирающем человеке, гарантируется государствами — членами Совета Европы согласно статье 2 Европейской конвенции о защите прав человека, в которой сказано, что «никто не может быть умышленно лишен жизни»;

(ii) признавая, что желание неизлечимо больного или умирающего человека расстаться с жизнью ни при каких обстоятельствах не может являться юридическим притязанием на то, чтобы умереть от руки другого лица;

(iii) признавая, что желание неизлечимо больного или умирающего человека расстаться с жизнью ни при каких обстоятельствах не может само по себе являться юридическим оправданием действий, направленных на причинение смерти».

Если была бы доказана уникальность реакции Соединенного Королевства на данную проблему оказания содей-

ствия при совершении самоубийства, это ни в коем случае не оказалось бы фатальным для юридической силы части 1 статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года. Однако было показано, что эта реакция согласуется с подходом, который разделяют очень многие государства. Уголовная ответственность за оказание содействия при совершении самоубийства и за убийство с согласия жертвы введена во всех странах — участниках Конвенции, кроме Нидерландов. Даже если Закон Нидерландов «О причинении человеку смерти по его просьбе и о самоубийстве с помощью другого человека (контрольные процедуры)» 2001 года и Уголовный кодекс Нидерландов действовали бы в Соединенном Королевстве, они не освободили бы г-на Претти от ответственности по статье 294 Уголовного кодекса Нидерландов в случае, если бы он пошел навстречу желаниям своей жены и помог ей совершить самоубийство.

29. Действуя от имени г-жи Претти, ее адвокат отказывается от общих нападок на часть 1 статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года и хочет ограничиться в своих притязаниях конкретными обстоятельствами дела г-жи Претти — взрослого человека, сохранившего ясность рассудка, твердо знающего, чего она хочет, свободного от любого давления и принявшего добровольное решение на основе всей доступной ей информации. По утверждениям адвоката г-жи Претти, какой бы ни была необходимость предоставить правовую защиту лицам, находящимся в уязвимом положении, ничто не оправдывает безоговорочный отказ допустить акт милосердия в случае с теми, кто, как г-жа Претти, вообще не находится в уязвимом положении. Каким бы соблазнительным ни было данное предположение, доктор Джонсон в свое время высказал по этому поводу две идеи, не утратившие своей актуальности и по сей день. Во-первых, «законы пишутся не для конкретных случаев, а для людей вообще». Во-вторых, «разрешить менять закон по собственному усмотрению кого бы то ни было значит оставить общество без закона вообще. Это значит лишиться ориентиров ту народную мудрость, которая восполняет недостатки частного восприятия» (см. книгу *Босуэлл. Жизнь Джонсона. [Boswell. Life of Johnson]*, издательство «Оксфорд стандарт ауторс» [Oxford Standard Authors], 3-е издание, 1970, с. 735, 496). Опасность и вероятность злоупотреблений в случае ослабления запрета на оказание содействия при совершении самоубийства определяется государствами — членами Совета Европы. Они же оценивают вероятные последствия этих злоупотреблений в случае, если они все-таки были допущены. Это признала Европейская комиссия по правам человека в своем решении по делу «R. против Соединенного Королевства», которое цитировалось выше (см. пункт 24 настоящего решения). Однако эту опасность нельзя так просто сбрасывать со счетов. Комитет по пересмотру уголовного законодательства признал неопределенность границы между случаями, когда человек дает кому-то советы при совершении самоубийства или способствует его совершению, и случаями, когда человек вызывает кому-то содействие при совершении самоубийства или подстрекает кого-то к самоубийству (доклад Комитета по пересмотру уголовного законодательства, с. 61, § 135). Специальный комитет Палаты лордов признал нежелательность того, что может показаться подстрекательством к самоубийству (доклад Специального комитета Палаты лордов, с. 39, § 239):

«Также мы опасаемся, что те, кто находится в уязвимом положении, — престарелые или одинокие люди, люди, страдающие различными заболеваниями или терпящие бедствие, — из-за реального или воображаемого давления выскажут просьбу умереть преждевременно. Мы допускаем, что по большей части требования, являющиеся результатом подобного давления или поддающихся лечению

депрессивных заболеваний, будут распознаны в качестве таковых врачами, и на них отреагируют соответствующим образом. Тем не менее мы полагаем, что отношение общества к лицам, находящимся в уязвимом или невыгодном положении, не может даже косвенным образом побуждать их искать смерти, а должно заверить их в нашей заботе и укрепить их намерение продолжать жить».

Нетрудно себе представить, что престарелый человек, даже и не подвергаясь никакому давлению, может предпочесть уйти из жизни преждевременно, если бы ему предоставилась такая возможность. Это произошло бы не потому, что он хочет или готов умереть, а потому, что он не желает продолжать оставаться обузой для других.

30. Если часть 1 статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года ущемляет какое-либо конвенционное право г-жи Претти, то, признавая, что на государстве — участнике Конвенции, желающем оправдать подобного рода нарушение, лежит тяжкое бремя, я прихожу к выводу, что Министр внутренних дел привел достаточные основания, оправдывающие существующее законодательство и сложившуюся в настоящее время практику его применения. Я не хочу сказать, что любое другое законодательство или любая другая правоприменительная практика противоречат Конвенции; я лишь хочу заметить, что нынешнее положение вещей в сфере законодательства и правоприменения не нарушает Конвенции.

Статья 9 Конвенции

31. Здесь нет необходимости воспроизводить текст статьи 9 Конвенции, на которую стороны почти не ссылались. Эта статья защищает свободу мысли, совести и религии, а также свободу каждого человека исповедовать свою религию или убеждения в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов. Можно допустить, что г-жа Претти была искренне убеждена в достоинстве совершения самоубийства с помощью другого человека. Она может свободно придерживаться этих взглядов и выражать их. Однако ее убеждения нельзя положить в основу требования о том, что ее муж должен быть освобожден от последствий поступка, который, пусть даже и соответствуя ее убеждениям, запрещен нормами уголовного права. И если бы она могла доказать нарушение права, о котором идет речь, те оправдывающие обстоятельства, которые приводило государство применительно к статье 8 Конвенции, все равно перевесили бы ее доводы.

Статья 14 Конвенции

32. Статья 14 Конвенции гласит: <...>

Г-жа Претти утверждает, что часть 1 статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года допускает дискриминацию в отношении тех, кто, как и она сама, физически не может покончить с собой без помощи другого человека. Она ссылается на постановление Европейского Суда по делу «Тлимменос против Греции» [*Thlimmenos v. Greece*] (2000) (Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 31, с. 411), в котором Суд заявил (с. 424, § 44):

«До сих пор Европейский Суд считал, что право на свободу от дискриминации при пользовании конвенционными правами, гарантированное статьей 14 Конвенции, нарушается, когда государства по-разному обращаются с лицами, находящимися в аналогичном положении, не приводя объективных и разумных обстоятельств, оправдывающих такое различие в обращении. Тем не менее Суд считает, что этим не ограничивается содержание запрета на дискриминацию, установленного статьей 14 Конвенции. Право на свободу от

дискриминации при пользовании правами, гарантированными Конвенцией, нарушается и тогда, когда государства при отсутствии объективных и разумных обстоятельств, оправдывающих их поведение, не обращаются по-разному с лицами, если ситуации, в которых они находятся, существенно различаются».

33. Европейский Суд по правам человека неоднократно заявлял, что статья 14 Конвенции не автономна, а действует лишь в отношении прав, закрепленных в Конвенции. В деле «Ван Раалте против Нидерландов» [*Van Raalte v. the Netherlands*] (1997) (Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 24, с. 503) Суд сформулировал это следующим образом (с. 516, § 33):

«Европейский Суд последовательно приходил к выводу о том, что статья 14 Конвенции дополняет другие материально-правовые положения Конвенции и Протоколов к ней. Она не играет независимой роли, поскольку действует исключительно по отношению к “пользованию правами и свободами”, которые гарантируются этими положениями. Хотя для применения статьи 14 Конвенции и не требуется, чтобы эти положения предварительно были нарушены, — и в этом смысле эта статья Конвенции автономна, — она не может применяться до тех пор, пока обстоятельства рассматриваемого Судом дела не попадут в сферу действия одной или нескольких статей Конвенции».

См. также постановление Европейского Суда по делу «Ботта против Италии» [*Botta v. Italy*] (1998) (Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 26, с. 241, с. 259, § 39).

34. Если мой вывод верен и ни одна из статей Конвенции, на которых основана жалоба г-жи Претти, не предоставляет ей права, которого она добивается, то, следовательно, она не сможет воспользоваться статьей 14 Конвенции, даже если ей удастся доказать, что действие части 1 статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года имеет характер дискриминации. На этом основании жалоба, основанная на данной статье Конвенции, должна быть отклонена.

35. Если же мое мнение ошибочно и права г-жи Претти, предусмотренные одной или несколькими статьями Конвенции, нарушены, необходимо рассмотреть вопрос о том, является ли часть 1 статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года дискриминацией. Истица утверждает, что эта статья допускает дискриминацию, потому что не позволяет лицам с физическими недостатками, которые не могут осуществлять контроль над собственным телом, реализовать право на самоубийство. Самоубийство всегда является преступлением, отклоняющимся от нормы, поскольку это единственное преступление, после совершения которого виновному нельзя предъявить обвинение в суде. Основной целью криминализации самоубийства было привлечение к ответственности тех, кто пытался покончить с собой, но неудачно, а также их сообщников. Уголовная ответственность за самоубийство (а вместе с ним и за оказание содействия при совершении самоубийства) была отменена, потому что признание преступления по общему праву не считалось сдерживающим фактором, поскольку оно необоснованно бросает тень на невиновных членов семьи самоубийцы и ведет к неприятному результату, когда пациенты, проходящие в больнице курс восстановительного лечения после неудавшейся попытки самоубийства, привлекаются к ответственности, по сути, за то, что эта попытка оказалась неудачной. Однако Закон «О самоубийствах» 1961 года отменил норму права, согласно которой самоубийство или покушение на него являлись преступлением, но он никому не давал права на самоубийство. Если бы это и было его объектом, то не существовало бы обстоятельств, оправдывающих назначение наказания, которое могло заключаться в лишении сво-

боды на очень длительный срок, человеку, кто подстрекал кого-то реализовать или попытаться реализовать право на самоубийство, оказывал содействие или давал советы при реализации этого права либо способствовал реализации права на самоубийство. Политика законодателя остается жестко негативной по отношению к самоубийству, как становится ясно из части 1 статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года.

36. В любом случае это положение уголовного права нельзя критиковать за его чересчур дискриминационный характер, потому что оно применяется ко всем. Хотя в некоторых случаях уголовно-правовые нормы делают исключения из общего правила для лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность, общая уголовно-правовая политика заключается в том, что нормы, устанавливающие ответственность за то или иное деяние, должны применяться ко всем, а также в учете обстоятельств, имеющих отношение к личности подозреваемого, либо на стадии решения вопроса о привлечении его к ответственности, либо, в случае, если суд признал его виновным в совершении преступления, на стадии назначения наказания. Уголовное право обычно не проводит различия между жертвами, ставшими таковыми по своему желанию, и всеми остальными (см. постановление Европейского Суда по делу «Ласки, Джаггард и Браун против Соединенного Королевства» [*Laskey, Jaggard and Brown v. the United Kingdom*] (1997), Британский сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека EHRR. Том 24, с. 39). Нормы, устанавливающие уголовную ответственность за пьянство, за злоупотребление наркотиками или за воровство, не освобождают от наказания алкоголиков и наркоманов или бедняков и голодающих. «Убийство из милосердия», как часто его называют, с точки зрения закона является убийством. Если уголовное право намеревалось бы сделать наказуемым поведение тех, кто помогает совершить самоубийство людям, находящимся в уязвимом положении, но освобождало бы от уголовной ответственности тех, кто помогает покончить с собой лицам, не являющимся уязвимыми, его применение не могло бы быть справедливым и внушать уважение.

37. По этим основаниям, которые во всех существенных моментах совпадают с теми, которые привело Апелляционное присутствие Отделения королевской скамьи Высокого Суда, и в согласии с моими благородными и просвещенными друзьями, лордом Штейном и лордом Хоупом Крейгхедским, я прихожу к выводу, что г-жа Претти не может доказать какого-либо нарушения какого-либо своего права, гарантируемого Конвенцией.

Жалоба на Директора публичных преследований

38. Этот вывод делает, строго говоря, ненужным анализ основного довода, на основании которого Директор публичных преследований возражал против поданной на него жалобы. Этот довод заключается в том, что он не вправе был дать обещание, которого добивалась г-жа Претти.

39. Я, со своей стороны, поставил бы под сомнение, действительно ли, как заявлялось от его имени, Директор публичных преследований не мог, если ему это посоветовали бы, сделать публичное заявление по поводу своей политики в сфере судебного преследования, отличающееся от заявлений, предусмотренных Кодексом поведения государственных обвинителей, который он обязан издавать в силу статьи 10 Закона о судебном преследовании за правонарушения 1985 года [*Prosecution of Offences Act*]. Понятно, что такой шаг потребовал бы тщательных консультаций и чрезвычайной осмотрительности и согласно статье 3 Закона о судебном преследовании за правонарушения 1985 года мог быть сделан

только под контролем Генерального атторнея. Лорд-адвокат¹ однажды выступил с подобным заявлением в Шотландии, и я не убежден, что Директор публичных преследований был не вправе последовать его примеру. Однако исследовать или разрешать этот вопрос необязательно, поскольку, независимо от того, вправе был Директор публичных преследований выступить с таким заявлением или нет, он не обязан был этого делать. В любом случае, Директора публичных преследований просили не сделать заявление относительно политики в сфере судебного преследования, а заранее освободить человека от судебного преследования. Я убежден, что этого Директор публичных преследований был сделать не вправе. Биллем о правах 1688 года Короне и ее слугам было отказано в праве игнорировать законы и приостанавливать их действие и исполнение, не получив предварительно санкции Парламента. Даже если мое мнение ошибочно и Директор публичных преследований вправе был дать требуемое обязательство, в настоящем деле выполнить эту просьбу значило бы совершить большую ошибку. Если у Директора публичных преследований не было оснований сомневаться в доводах, приведенных от имени г-жи Претти, то в равной мере у него не было и возможности проверить, насколько они соответствуют действительности. Он не получил вообще никаких сведений о средствах, которыми предполагалось причинить смерть г-же Претти. Не было предложено никакого контроля за ее самоубийством со стороны врачей. Существовала очевидная опасность того, что ее состояние ухудшится до такой степени, что она вообще не сможет покончить с собой. Директор публичных преследований допустил бы преступное нарушение своих обязанностей и явное злоупотребление своими полномочиями, если он на свой страх и риск дал бы обязательство, что преступление, которое еще только должно было совершиться, не повлечет за собой судебного преследования. Претензии к нему должны быть отклонены хотя бы по одному этому основанию.

40. Я отклоняю данную жалобу.

15. Другие судьи согласились с выводами, к которым пришел лорд Бингхэм Корнхильский. По поводу статьи 8 Конвенции лорд Хоуп заявил:

«100. [...] Уважение к “личной жизни” лица — единственный элемент статьи 8 Конвенции, который используется в настоящем деле, — имеет отношение к тому, как человек живет. То, как он предпочитает провести последние мгновения своей жизни, — часть жизненного процесса, и у него есть право требовать уважения к своему выбору и по этому вопросу. В этом отношении у г-жи Претти есть право на самоопределение, и ее личная жизнь затронута даже тогда, когда, страдая неизлечимой болезнью, она предпочитает умереть, а не жить. Однако совершенно другое дело видеть в этих словах позитивное обязательство выполнить ее желание покончить с собой с помощью другого человека. Я думаю, что сделать это значило бы слишком широко истолковать смысл этих слов».

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

А. Самоубийство, оказание содействия при совершении самоубийства и убийство с согласия жертвы

16. В Англии и Уэльсе уголовная ответственность за совершение самоубийства была отменена Законом «О самоубийствах» 1961 года. Тем не менее часть 1 статьи 2 этого Закона предусматривает следующее:

«Тот, кто подстрекает человека к совершению или к попытке совершения самоубийства, оказывает содействие или дает советы при его совершении (при попытке его совершения) либо способствует самоубийству, подлежит осуждению в уголовном порядке на основании обвинительного заключения и наказанию в виде лишения свободы на срок до четырнадцати лет».

Часть 4 статьи 2 предусматривает следующее:

«Судебное разбирательство по делам о преступлениях, предусмотренных настоящей статьей, возбуждается только Директором публичных преследований или с его согласия».

17. Суды Соединенного Королевства установили, что человек может отказаться от лечения, направленного на то, чтобы спасти его жизнь или отсрочить наступление смерти:

«Во-первых, установлено, что принцип самоопределения требует уважения желаний пациента. Поэтому, если совершеннолетний пациент, находящийся в ясном рассудке, отказывается — пусть даже не имея на это разумных оснований — дать свое согласие на лечение или уход, посредством которых наступление его смерти может или должно быть отсрочено, доктора, ответственные за этого пациента, должны выполнить его желание, даже если они не считают, что это отвечает его интересам <...> В этом отношении принцип неприкосновенности человеческой жизни должен уступить место принципу самоопределения <...>» (мнение лорда Гоффа в решении Апелляционного суда Соединенного Королевства по делу «Организация “Эйрдейл НХС траст” против Блэнда» [1993], Сборник судебных актов Апелляционного суда Соединенного Королевства АС. Стр. 864).

18. В последний раз этот принцип был подтвержден в решении Апелляционного суда Соединенного Королевства от 22 марта 2002 г. по делу «Г-жа В. против больницы Государственной службы здравоохранения» [*Ms B. v. an NHS Hospital*]. Также Суд признал, что медицинская помощь с «двойным эффектом», направленная на облегчение боли и страданий пациента, но в качестве побочного эффекта способная ускорить наступление его смерти, может оказываться на законных основаниях (см., например, решение Отделения по семейным делам Высокого суда по делу «Re J» [1991] Сборник судебных актов Отделения по семейным делам Высокого суда Соединенного Королевства Fam 3).

В. Реформа законодательства Соединенного Королевства

19. В марте 1980 г. Комитет по пересмотру уголовного законодательства опубликовал свой четырнадцатый доклад под заголовком «Преступления против личности» (официальный правительственный документ Cmnd 7844), в котором, в частности, содержался обзор законов, касающихся различных форм убийства и полагающихся за него наказаний. В разделе «F» обсуждалась ситуация, известная как убийство из милосердия. Ранее поступившее предположение криминализировать совершенное из сострадания убийство человека, постоянно испытывающего, например, сильную физическую боль и страдания, и предусмотреть за него максимальное наказание в виде двух лет лишения свободы, было единогласно отклонено. Комитет отметил, что подавляющее большинство физических лиц и организаций, к которым он обращался за

¹ Лорд-адвокат [*Lord Advocate*] — генеральный прокурор по делам Шотландии, являющийся одним из высших судебных должностных лиц Шотландии и членом британского правительства (*примечание редакции*).

советом, выступили против этого предложения по принципиальным и прагматическим соображениям. Также Комитет сослался на сложности определения «убийства из милосердия» и на вероятность того, что «это предложение не позволит избежать страданий; наоборот, оно причинит их, так как слабые люди и люди с физическими недостатками получат менее эффективную защиту со стороны закона, нежели здоровые и благополучные члены общества».

20. Тем не менее Комитет рекомендовал снизить наказание за оказание содействия при совершении самоубийства до семи лет лишения свободы. По мнению Комитета, это наказание было бы достаточно существенным для того, чтобы защитить беспомощных лиц, которых легко могут склонить к самоубийству неразборчивые в средствах люди.

21. 31 января 1994 г. был опубликован доклад Специального комитета Палаты лордов по медицинской этике (официальный документ Палаты лордов Paper 21-I). Этот доклад появился на свет в результате изучения этических, юридических и клинических аспектов права лица на отказ от лечения, отсрочивающего наступление смерти, положения лиц, не способных согласиться на такое лечение или отказаться от него, и также вопроса о том, может ли сокращение продолжительности жизни другого человека быть оправданно, если это отвечает его желанию или его интересам, и если да, то при каких обстоятельствах. Комитет заслушал выступления множества правительственных, медицинских, юридических и неправительственных организаций и получил от значительного количества заинтересованных лиц письменные замечания, касающиеся этических, философских, религиозных, моральных, клинических, правовых и государственно-политических аспектов указанной проблемы.

22. По поводу добровольной эвтаназии Комитет пришел к следующему выводу:

«236. Между правом на отказ от лечения и правом просить помощи для того, чтобы умереть, пролегал большая дистанция. Мы провели много времени, рассматривая очень твердые и ярко выраженные позиции свидетелей, выступавших в поддержку добровольной эвтаназии. У многих из нас родственники или друзья умирали в течение многих дней или даже недель, далеко не в мирных и не в духоподъемных условиях. Последние мгновения их жизни были настолько омрачены, что тот, кто был нам дорог, казалось, уже покинул нас или просто устал от жизни. <...> В ходе наших рассуждений мы также должны принимать в расчет то, что каждый человек желает мирной и легкой смерти, без продолжительных страданий, и не хочет задумываться над перспективой старческого слабоумия или зависимого положения. Мы много думали и над мнением профессора Дворкина, согласно которому те, кто не придерживается никаких религиозных убеждений, считают, что человек сам лучше всего способен решить, какая смерть сообразуется с той жизнью, которую он прожил.

237. В конечном счете, однако, мы не считаем, что эти доводы являются достаточным основанием для ослабления общественного запрета на умышленное лишение человека жизни. Этот запрет является краеугольным камнем права и общественных отношений. Он беспристрастно защищает каждого из нас, воплощая в себе идею всеобщего равенства. Мы не хотим ослабления этой защиты и поэтому не рекомендуем вносить в закон изменения, разрешающие эвтаназию. Мы признаем, что в отдельных случаях некоторые люди могут считать эвтаназию целесообразной. Однако такие отдельные случаи не могут с достаточным основанием лечь в основу политики, серьезно затрагивающей множество людей. Кроме того, смерть — не только личное или частное дело каждого.

Смерть человека оказывает влияние на жизнь других людей, часто таким образом и в такой степени, что это невозможно предвидеть заранее. Мы считаем, что проблема эвтаназии является одним из тех вопросов, в которых интерес личности неотделим от интереса общества в целом.

238. Мы пришли к этому выводу в том числе и потому, что мы не считаем возможным установить пределы, в рамках которых добровольная эвтаназия оставалась бы безопасной <...>

239. Также мы опасаемся, что те, кто находится в уязвимом положении, — престарелые люди, а также те, кто страдает различными заболеваниями или терпит бедствие, — из-за реального или воображаемого давления захотят уйти из жизни раньше положенного им срока. Мы допускаем, что по большей части требования, которые являются результатом такого давления или вызывающего депрессию, но поддающегося лечению заболевания, могут быть распознаны в качестве таковых врачами, и на них отреагируют соответствующим образом. Тем не менее мы полагаем, что отношение общества к людям, находящимся в уязвимом или невыгодном положении, не должно, пусть даже и косвенным образом, побуждать их умереть, а должно поселить в них уверенность в нашей заботе и поддержать их в решении продолжать жить <...>».

23. В свете вышесказанного Специальный комитет по медицинской этике не рекомендовал вносить изменения и в законодательство, касающееся оказания содействия при совершении самоубийства (§ 262).

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

24. В Рекомендации 1418 (1999) Парламентской ассамблеи Совета Европы сказано, в частности, следующее (§ 9):

«9. <...> чтобы Комитет министров побуждал государства — членов Совета Европы к уважению и защите достоинства неизлечимо больных и умирающих лиц во всех отношениях:

<...>

(с) путем оставления в силе запрета на умышленное причинение смерти неизлечимо больным или умирающим лицам:

(i) признавая, что право на жизнь, особенно если речь идет о неизлечимо больном или умирающем человеке, гарантируется государствами — членами Совета Европы в силу статьи 2 Европейской конвенции о защите прав человека, в которой сказано, что «никто не может быть умышленно лишен жизни»;

(ii) признавая, что желание неизлечимо больного или умирающего человека покончить с собой ни при каких обстоятельствах не может являться юридическим притязанием на то, чтобы умереть от руки другого лица;

(iii) признавая, что желание неизлечимо больного или умирающего человека покончить с собой ни при каких обстоятельствах не может само по себе являться юридическим оправданием принятия действий, направленных на причинение смерти».

IV. ДОВОДЫ, ИЗЛОЖЕННЫЕ ЕВРОПЕЙСКОМУ СУДУ ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ВСТУПИВШИМИ В ПРОИЗВОДСТВО ПО НАСТОЯЩЕМУ ДЕЛУ В КАЧЕСТВЕ ТРЕТЬЕЙ СТОРОНЫ

А. Общество добровольной эвтаназии

25. Общество добровольной эвтаназии было создано в 1935 году и является ведущей исследовательской организацией в Соединенном Королевстве по вопросам, имею-

щим отношение к самоубийству с помощью другого человека. Общество добровольной эвтаназии в своих представлениях в Европейский Суд утверждает, что по общему правилу у человека должна быть возможность умереть достойно. По мнению Общества, лишенный гибкости режим правового регулирования, результатом которого является то, что человек, испытывающий невыносимые страдания от неизлечимой болезни, вынужден подвергаться болезненному и затяжному умиранию, теряя достоинство, вопреки своему явно выраженному желанию, нарушает статью 3 Конвенции. Общество ссылается на причины, по которым люди прибегают к посторонней помощи для того, чтобы покончить с собой (например, жестокая боль, которую невозможно ничем снять, усталость от процесса умирания, утрата независимости). Медицинская помощь, направленная на облегчение боли и страданий больного, не может удовлетворить потребности всех пациентов и никак не решает проблемы утраты ими независимости и контроля над функциями своего тела.

- 26.** Общество добровольной эвтаназии утверждает, что по сравнению с другими европейскими странами режим правового регулирования в Англии и Уэльсе, безоговорочно запрещающий оказывать содействие при совершении самоубийства, является самым ограничительным и наименее гибким режимом в Европе. С ним может сравниться лишь режим, действующий в Ирландии. В других странах (например, в Бельгии, Швейцарии, Германии, Франции, Финляндии, Швеции и Нидерландах, где содействовать при совершении самоубийства может только врач) была отменена уголовная ответственность за такое конкретное деяние, как оказание содействия самоубийству. В остальных странах наказание за подобные преступления было снижено: ни в одной стране, за исключением Испании, максимальное наказание за них не превышает пяти лет лишения свободы, к тому же виновный редко подвергается судебному преследованию в уголовном порядке.
- 27.** Относительно вопросов государственной политики Общество добровольной эвтаназии заявило, что, независимо от позиции законодателя, добровольная эвтаназия и самоубийства с помощью другого человека объективно существуют. В Англии и Уэльсе хорошо известно, что пациенты просят помочь им покончить с собой, а представители медицинской профессии и родственники оказывают им такую помощь, несмотря на то, что это, возможно, идет вразрез с нормами уголовного права, а также в отсутствие какое-либо правового регулирования. Власти Нидерландов признали, что из-за этого уголовное право не противодействует ни добровольной эвтаназии, ни совершению самоубийства с помощью другого человека. Ситуация, сложившаяся в Нидерландах, показывает, что — в отсутствие правового регулирования — по вине врачей, причинивших пациенту смерть без его ясно выраженного желания (недобровольная эвтаназия), произошло чуть меньше 1 процента смертей. Аналогичные исследования показали, что в Бельгии случаи недобровольной эвтаназии составляют 3,1 процента, а в Австралии — 3,5 процента. Следовательно, возможно, меньшее внимание требованиям тщательного контроля за совершением самоубийств уделяли государства, которые исповедуют ограничительный подход к правовому регулированию, а не государства, которые применяют открытый подход, относятся к эвтаназии терпимо и делают ее объектом правового регулирования. Полученные данные не подкрепляют утверждения о том, что, узаконивая добровольную эвтаназию или оказание помощи врачом при совершении самоубийства, общество подвергает опасности тех, кто находится в уязвимом положении. По

крайней мере, там, где осуществляется жесткое правовое регулирование, есть возможность значительно более активно проводить консультации и ввести в действие контрольный механизм, направленный на предупреждение злоупотреблений, а также другие гарантии, такие, как предписание подвергать человека эвтаназии не сразу, а лишь спустя некоторое время.

В. Конференция католических епископов Англии и Уэльса

- 28.** Эта организация сформулировала принципы и выдвинула аргументы, созвучные, с ее точки зрения, тем принципам и аргументам, которые высказывали другие конференции католических епископов в других государствах — членах Совета Европы.
- 29.** В своих представлениях в Европейский Суд Конференция католических епископов Англии и Уэльса подчеркнула: основополагающим догматом католической веры является то, что жизнь человека — дар Божий, врученный его попечению. Действия, целью которых является самоубийство или убийство, пусть даже с согласия жертвы, отражают вредное непонимание ценности человека. Самоубийство и эвтаназия, следовательно, выходят за рамки приемлемых с точки зрения морали вариантов, если говорить о страданиях и смерти человека. Эти основополагающие истины признаются и другими религиями, и современным плюралистическим и светским обществом. Они вытекают из статьи 1 Всеобщей декларации прав человека (декабрь 1948 г.) и из положений Европейской конвенции о защите прав человека, в частности, из статей 2 и 3 этого документа.
- 30.** Конференция отмечает, что люди, пытавшиеся покончить с собой, часто страдают депрессией или иными психическими заболеваниями. В своем докладе, подготовленном в 1994 году, рабочая группа штата Нью-Йорк по изучению вопросов жизни и права пришла на этом основании к выводу, что легализация эвтаназии или самоубийства с помощью другого человека в какой бы то ни было форме являлась бы ошибкой исторического масштаба и имела бы катастрофические последствия, затрагивающие тех, кто находится в уязвимом положении; она вызвала бы разложение медицинской профессии, с которым невозможно смириться. Другое исследование показало, что многие люди, обратившиеся к врачу с просьбой помочь им совершить самоубийство, меняли свое решение, если их депрессия была снята, а боль купирована. По их опыту, практически во всех случаях оказание медицинской помощи с целью утолить боль может привести к значительному облегчению физических и психосоматических страданий пациента.
- 31.** У Специального комитета Палаты лордов по медицинской этике (1993—1994 гг.) были веские основания прийти к выводу, после рассмотрения собранных доказательств (в гораздо большем объеме по сравнению с теми, которыми располагает Европейский Суд, рассматривая настоящее дело), что введение в действие любого законодательства, разрешающего оказывать содействие при совершении самоубийства, привело бы к существенному размыванию прав тех, кто находится в уязвимом положении, в связи с действием принципа законности и единообразия, а также психологических и финансовых условий медицинской практики и здравоохранения в целом. Существуют неопровержимые доказательства, позволяющие предположить, что, как только закон разрешает эвтаназию в какой-то усеченной форме, становится практически невозможно удерживать практику ее применения в пределах, необходимых для защиты интересов тех, кто находится в уязвимом

положении (см., например, исследование смертности, проведенное властями Нидерландов в 1990 году, в ходе которого были зафиксированы случаи причинения пациентам смерти без их явно выраженного согласия).

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПО ВОПРОСУ О ПРИЕМЛЕМОСТИ ЖАЛОБЫ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ПО СУЩЕСТВУ

32. Заявительница, страдающая неизлечимой дегенеративной болезнью, утверждает, что основные права, предусмотренные Конвенцией, были нарушены в ее деле отказом Директора публичных преследований дать обещание не подвергать ее мужа судебному преследованию в случае, если тот поможет ей совершить самоубийство, а также особенностями английского права, устанавливающего уголовную ответственность за оказание ей содействия при совершении самоубийства. Государство-ответчик заявляет, что жалоба должна быть отклонена как явно необоснованная на основании того, что притязания заявительницы не затрагивают никаких прав из тех, на которые она ссылается, или что любое вмешательство в эти права было оправданным с учетом исключений, которые допускают соответствующие положения Конвенции.

33. Европейский Суд считает, что жалоба в целом поднимает вопросы права, достаточно серьезные, чтобы их разрешение зависело от рассмотрения дела по существу. Поскольку не было установлено никаких других оснований для признания жалобы неприемлемой, она должна быть объявлена приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции Суд приступает к рассмотрению жалоб заявительницы по существу.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

34. В части, имеющей отношение к настоящему делу, статья 2 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- а. для защиты любого лица от противоправного насилия;
- б. для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- с. для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

A. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы, представленные Европейскому Суду заявительницей

35. По мнению заявительницы, разрешить ей воспользоваться помощью другого человека при совершении самоубийства не означает нарушить статью 2 Конвенции; иначе оказалось бы, что те страны, в которых оказание содействия при совершении самоубийства не запрещено законом, нарушают эту статью Конвенции. Кроме того,

статья 2 Конвенции защищает не только право на жизнь, но и право человека принять решение о том, продолжать ему жить или нет. Она защищает право на жизнь, а не жизнь как таковую. В то же время фраза, в которой идет речь о причинении смерти, направлена на защиту человека от третьих лиц, а именно от государства и органов государственной власти, а не от самого себя. Следовательно, статья 2 Конвенции признаёт, что человек сам может принять решение о том, продолжать ему жить или нет; с тем, чтобы избежать неотвратимых страданий и потери достоинства, она гарантирует заявителнице право, являющееся закономерным следствием права на жизнь, — право на смерть. В постановлении Европейского Суда по правам человека по делу «Кинан против Соединенного Королевства», на которое ссылается государство-ответчик, указывается, что у администрации мест лишения свободы может возникнуть обязательство по защите заключенного, пытавшегося покончить с собой. Однако это обязательство возникло лишь потому, что он был заключенным и из-за психического расстройства, которым он страдал, и в вопросе о самоубийстве был не в состоянии принять рациональное решение (см. постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства» [*Keenan v. the United Kingdom*], жалоба № 27229/95, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-III).

2. Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

36. Государство-ответчик считает, что жалобы заявительницы на предполагаемое нарушение статьи 2 Конвенции необоснованны, так как они прямо не подкреплены никакими судебными решениями, а также противоречат существующей судебной практике и формулировке этой статьи Конвенции. В статье 2 Конвенции, которая гарантирует одно из самых важных прав, речь идет главным образом о негативном обязательстве государства. В некоторых случаях Европейский Суд приходил к выводу, что она содержит и позитивные обязательства, но они касались мер, направленных на защиту жизни. В своих ранее вынесенных постановлениях Суд приходил к выводу, что на вытекающую из статьи 2 Конвенции обязанность государства по защите заключенного никак не влияет то, что он покончил с собой (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства»). Также Суд признал, что государство может осуществлять принудительное кормление объявившего голодовку заключенного (см. решение Европейской комиссии по правам человека от 9 мая 1984 г. по делу «X против Германии» [*X v. Germany*], жалоба № 10565/83, не опубликовано). В тексте статьи 2 Конвенции прямо сказано, что никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как в обстоятельствах, список которых жестко ограничен, а в настоящем деле такие обязательства отсутствуют. Право на смерть является не закономерным следствием права на жизнь, а его полной противоположностью.

B. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

37. Практика Европейского Суда признаёт приоритет статьи 2 Конвенции как одного из самых важных положений Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 27 сентября 1995 г. по делу «Макканн и другие заявители против Соединенного Королевства» [*McCann and Others v. the United Kingdom*], серия «А», № 324, с. 45—46, § 146—147). Эта статья Конвенции защищает право на жизнь, без которо-

го пользование любым другим конвенционным правом или свободой становится невозможным. Она содержит ограниченный перечень обстоятельств, в которых лишение жизни может быть оправданно, и Суд строго контролировал государства-ответчиков, когда они основывали свои доводы на этих исключениях (там же, с. 46, § 149—150).

38. Текст статьи 2 Конвенции прямо регламентирует намеренное или умышленное причинение смерти представителями государства. Тем не менее при толковании этой статьи Конвенции делался вывод, что она распространяется не только на умышленное лишение человека жизни, но и на ситуации, когда разрешено «использование силы», которое может привести к причинению смерти по неосторожности (там же, с. 46, § 148). Кроме того, Европейский Суд приходил к выводу, что первое предложение пункта 1 статьи 2 Конвенции предписывает государству не только воздерживаться от умышленного и незаконного причинения смерти, но и принимать меры, необходимые для защиты жизни тех, кто находится под его юрисдикцией (см. постановление Европейского Суда от 9 июня 1998 г. по делу «L.C.B. против Соединенного Королевства» [*L.C.B. v. the United Kingdom*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека Reports 1998-III, с. 1403, § 36). Это обязательство выходит за рамки первичной обязанности государства защищать право на жизнь путем введения в действие эффективных уголовно-правовых норм, направленных на то, чтобы удерживать человека от совершения преступлений против личности. Эти нормы опираются на правоприменительный механизм, предназначенный для предупреждения и подавления нарушений этих норм, а также для привлечения к ответственности виновных лиц. Статья 2 Конвенции в некоторых строго определенных случаях может также подразумевать позитивное обязательство органов государственной власти принимать оперативные меры профилактического характера, направленные на защиту тех, чьей жизни угрожают преступления, совершенные другими людьми (см. постановление Европейского Суда от 28 октября 1998 г. по делу «Осман против Соединенного Королевства» [*Osman v. the United Kingdom*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека Reports 1998-VIII, с. 3159, § 115 и постановление Европейского Суда по делу «Кылыч против Турции» [*Kılıç v. Turkey*], жалоба № 22492/93, § 62 и 76, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-III). Позднее в деле «Кинан против Соединенного Королевства» Суд применил статью 2 Конвенции к положению заключенного, страдающего психическим заболеванием, который, судя по некоторым признакам, был склонен к самоубийству (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства», § 91).

39. Во всех делах, рассмотренных Европейским Судом, постоянно подчеркивалось обязательство государства по защите жизни. Суд не убежден, что при толковании права на жизнь, которое гарантируется статьей 2 Конвенции, можно включать в него негативный аспект. Например, применительно к статье 11 Конвенции Суд признал, что свобода объединения включает в себя не только право на то, чтобы стать членом той или иной организации, но и соответствующее ему право на свободу от принуждения к вступлению в какую-либо организацию. Суд отмечает, что понятие свободы подразумевает некоторую возможность выбора при ее осуществлении (см. постановление Европейского Суда от 13 августа 1981 г. по делу «Янг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства» [*Young, James and*

Webster v. the United Kingdom], серия «А», № 44, с. 21—22, § 52 и постановление Европейского Суда от 30 июня 1993 г. по делу «Сигурдур А. Сигурйонссон против Исландии» [*Sigurður A. Sigurjónsson v. Iceland*], серия «А», № 264, с. 15—16, § 35). Статья 2 Конвенции сформулирована иначе. Она не затрагивает вопросов, имеющих отношение к качеству жизни или к тому, как человек ей распоряжается. В той мере, в какой эти вопросы признаются настолько существенными для состояния человека, что они требуют защиты от вмешательства государства в их реализацию, они могут быть отражены в правах, которые гарантируются другими статьями Конвенции или другими международно-правовыми актами о правах человека. При толковании статьи 2 Конвенции нельзя, если не исказить ее текст, прийти к выводу, что она наделяет человека диаметрально противоположным правом — правом на смерть; не может она и создавать право на самоопределение, то есть предоставлять человеку возможность принять решение умереть, а не жить.

40. Соответственно, Европейский Суд приходит к выводу, что из статьи 2 Конвенции нельзя вывести права на смерть — ни от руки третьего лица, ни с помощью какого-либо органа государственной власти. Этот вывод подтверждается Рекомендацией 1418 (1999), недавно принятой Парламентской ассамблеей Совета Европы (см. выше, пункт 24 настоящего постановления).

41. По мнению заявителяницы, не признать того, что Конвенция гарантирует право на смерть, значило бы поставить страны, в которых разрешено оказание содействия при совершении самоубийства, в положение нарушителей Конвенции. В этом деле Европейский Суд не должен пытаться определить, обеспечивает ли законодательство той или иной страны защиту права на жизнь. Как Суд признал в деле «Кинан против Соединенного Королевства», меры, которые могут быть с достаточными основаниями приняты для защиты заключенного от нанесения вреда собственному здоровью, ограничиваются другими статьями Конвенции, например, статьями 5 и 8 Конвенции, а также более общими принципами независимости личности (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства», § 92). Аналогичным образом, в той мере, в какой государство разрешает или хочет регулировать возможность человека свободно причинять себе вред, самому или с помощью других лиц, это может привести к столкновению соображений свободы личности и общественного интереса. Это противоречие нельзя разрешить, не исследовав конкретных обстоятельств дела (см., *mutatis mutandis*¹, постановление Европейского Суда от 19 февраля 1997 г. по делу «Ласки, Джаггард и Браун против Соединенного Королевства» [*Laskey, Jaggard and Brown v. the United Kingdom*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека Reports 1997-I). Однако даже если признать, что обстоятельства, доминирующие в какой-либо стране, которая разрешает оказывать содействие при совершении самоубийства, не нарушают статьи 2 Конвенции, это не помогло бы заявительнице по настоящему делу. В этом деле не была доказана справедливость совершенно иного предположения — предположения о том, что Соединенное Королевство, если оно не разрешит оказывать содействие при совершении самоубийства, нарушит свои обязательства по статье 2 Конвенции.

42. Европейский Суд приходит к выводу, что по настоящему делу не было допущено никакого нарушения статьи 2 Конвенции.

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

III. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

43. Статья 3 Конвенции предусматривает следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы, представленные Европейскому Суду заявительницей

44. В Европейском Суде заявительница основывала свои жалобы главным образом на статье 3 Конвенции. Она утверждает, что страдания, которые она испытала, являются с точки зрения этой статьи Конвенции унижающим достоинство обращением. Она страдает от ужасной неизлечимой болезни, находящейся в последней стадии, и умрет в жутких мучениях, потеряв достоинство, так как мышцы ее дыхательной системы, а также глотательные мышцы ослабнут до такой степени, что у нее разовьется дыхательная недостаточность и пневмония. Хотя государство-ответчик и не несет прямой ответственности за обращение, о котором идет речь, практикой Суда установлено, что в силу статьи 3 Конвенции у государств по отношению к своим гражданам есть не только негативное обязательство воздерживаться от такого обращения, но и позитивное обязательство защищать их от такого обращения. В данном случае это обязательство заключается в том, чтобы принять меры по защите ее от страданий, которые ей иначе придется испытать.

45. Заявительница утверждает, что при применении статьи 3 Конвенции не нужно искать равновесие между ее правом на защиту от унижающего достоинство обращения и любым противостоящим ему интересом сообщества, так как предусмотренное этой статьей право является абсолютным. В любом случае, достигнутое равновесие несоразмерно, потому что английское право налагает абсолютный запрет на оказание содействия при совершении самоубийства, не учитывая особых обстоятельств ее дела. В результате этого абсолютного запрета заявительнице было отказано в праве воспользоваться помощью своего мужа для того, чтобы избежать предстоящих ей страданий. Тем самым была исключена всякая возможность принять во внимание уникальные обстоятельства ее дела, как-то: что болезнь не затронула ее интеллект и способности принимать решения; что она не находилась в уязвимом положении и не нуждалась в защите; что ее надвигающаяся смерть была неизбежна; что если ее болезнь будет развиваться естественным образом, то она испытает ужасные страдания и окажется в унижительном положении; что ее желание воспользоваться помощью своего мужа не затронет никого, кроме его самого и членов их семьи, которые полностью поддерживают ее решение. Не принимая во внимание этих обстоятельств, нельзя обеспечить защиту прав человека.

46. Также заявительница не согласна с тем, что статья 3 Конвенции предоставляет национальным властям какую-либо свободу усмотрения. Даже если она в этом и ошибается, государство-ответчик все равно не может ссылаться на это в защиту законодательства, позволяющего не рассматривать конкретных обстоятельств, в которых она оказалась. Заявительница считает оскорбительным и отвергает утверждение государства-ответчика, что все неизлечимо больные лица или лица с физическими не-

достатками, склонные к самоубийству, по определению находятся в уязвимом положении и что абсолютный запрет, о котором идет речь, необходим для их защиты. Стремясь защитить тех, кто находится в уязвимом положении, можно принять законодательство, разрешающее оказывать содействие при совершении самоубийства в случае, если человек сможет доказать, что он способен принять соответствующее решение и не нуждается в защите.

2. Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

47. Государство-ответчик утверждает, что данное дело не затрагивает статью 3 Конвенции. Эта статья Конвенции предполагает, прежде всего, негативное обязательство: государство не должно подвергать кого бы то ни было пыткам либо бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. Дело же заявительницы, скорее, основано на предполагаемых позитивных обязательствах государства. Практика Европейского Суда показывает, что там, где возникали позитивные обязательства, они не были абсолютными, а должны были трактоваться так, чтобы не налагать на государство невыносимого или несоразмерного бремени. До сих пор Суд считал, что позитивные обязательства возникают в трех случаях: когда государство обязано защитить здоровье лица, лишенного свободы; когда от государства требуется принять меры по обеспечению того, чтобы лица, находящиеся под его юрисдикцией, не подвергались пыткам или иному ненадлежащему обращению со стороны частных лиц; и когда государство предлагает предпринять по отношению к человеку определенные действия с целью предотвратить бесчеловечное или унижающее достоинство обращение с ним со стороны другого лица. Ни одно из этих обстоятельств не имеет отношения к делу заявительницы, так как с ней никто не обращался ненадлежащим образом, она не жаловалась на неоказание ей медицинской помощи, а государство не предпринимало против нее никаких действий.

48. Даже если предположить, что настоящее дело затрагивает статью 3 Конвенции, эта статья не гарантирует права на смерть, которое подлежало бы принудительному осуществлению в судебном порядке. При определении сферы действия любого позитивного обязательства целесообразно принимать во внимание свободу усмотрения, должным образом предоставленную государству в том, что касается сохранения статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года. Государство-ответчик считает, что запрет оказывать содействие при совершении самоубийства не нарушает справедливого равновесия между правами человека и интересами общества, в частности, потому, что он оказывает надлежащее уважение неприкосновенности жизни и преследует правомерную цель, а именно защиту тех, кто находится в уязвимом положении; данный вопрос в течение многих лет тщательно рассматривался Комитетом по пересмотру уголовного законодательства и Специальным комитетом Палаты лордов по медицинской этике; существуют веские аргументы и доказательства, позволяющие предположить, что легализация добровольной эвтаназии неизбежно приведет к распространению недобровольной эвтаназии. Государство заинтересовано в защите жизни людей, находящихся в уязвимом положении. В связи с этим каждый человек, замысливающий самоубийство, с необходимостью находится в психологически и эмоционально уязвимом положении, даже если он физически здоров. В то же время люди, страдающие физическими

недостатками, по-видимому, в большей степени зависят от обстоятельств, так как они не могут действительно сообщать о своих взглядах. Кроме того, все страны — члены Совета Европы, кроме Нидерландов, признали незаконным оказание содействия при совершении самоубийства и лишение человека жизни с его на то согласия. Такой позиции придерживаются и другие страны, находящиеся за пределами Европы.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

49. Статья 3 Конвенции, наряду со статьей 2, должна рассматриваться как одно из наиболее существенных положений Конвенции, закрепляющее основные ценности демократического общества в странах — членах Совета Европы (см. постановление Европейского Суда от 7 июля 1989 г. по делу «Сёринг против Соединенного Королевства» [*Soering v. the United Kingdom*], серия «А», № 161, с. 34, § 88). В отличие от других положений Конвенции, в этой статье отсутствуют какие бы то ни было условия, исключения или оговорки, и у государств нет возможности отступить от соблюдения предусмотренных этой статьей обязательств согласно статье 15 Конвенции.

50. Анализ практики Европейского Суда показывает, что статья 3 Конвенции чаще всего применялась в ситуациях, в которых опасность того, что человек подвергнется ненадлежащему обращению в какой-либо форме, была вызвана умышленными действиями представителей государства или органов государственной власти (см. в числе прочих источников по данному вопросу постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» [*Ireland v. the United Kingdom*], серия «А», № 25). Описывая статью 3 Конвенции в общих выражениях, можно сказать, что она предусматривает главным образом негативное обязательство государств воздерживаться от причинения серьезного вреда тем, кто находится под их юрисдикцией. Учитывая особую важность статьи 3 Конвенции, Суд оставил за собой достаточную гибкость в применении этой статьи Конвенции к другим ситуациям, которые могут возникнуть (см. постановление Европейского Суда от 2 мая 1997 г. по делу «D. против Соединенного Королевства» [*D. v. the United Kingdom*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека Reports 1997-III, с. 792, § 49).

51. В частности, Европейский Суд решил, что предусмотренное статьей 1 Конвенции обязательство Высоких Договаривающихся Сторон обеспечивать каждому, кто находится под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в Конвенции, — если трактовать статью 1 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции — требует от государств принимать меры по обеспечению того, чтобы лица, находящиеся под их юрисдикцией, не подвергались пыткам либо бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, в том числе и со стороны частных лиц (см. постановление Европейского Суда от 23 сентября 1998 г. по делу «А. против Соединенного Королевства» [*A. v. the United Kingdom*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека Reports 1998-VI, с. 2699, § 22). Позитивное обязательство государства защищать людей от бесчеловечного или унижающего достоинство наказания возникает достаточно часто: см., например, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «А. против Соединенного Королевства», в котором ребенок, выступавший по делу в качестве заявителя, был избит своим отчимом, а также постановление Большой Пала-

ты Европейского Суда по делу «Z. и другие заявители против Соединенного Королевства» [*Z. and Others v. the United Kingdom*], жалоба № 29392/95, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-V), в котором четверо несовершеннолетних заявителей утверждали, что их родители жестоко с ними обращались и перестали о них заботиться. Статья 3 Конвенции также требует от органов государственной власти охранять здоровье заключенных под стражу лиц (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Кинан против Соединенного Королевства», касающееся не оказания эффективной медицинской помощи заключенному, который страдал психическим заболеванием и покончил с собой, а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» [*Kudła v. Poland*], жалоба № 30210/96, § 94, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-XI).

52. Что касается форм обращения, на которое распространяется действие статьи 3 Конвенции, практика Европейского Суда указывает на ненадлежащее обращение, которое достигает минимального уровня жестокости и предполагает фактическое нанесение телесных повреждений либо причинение значительных физических или психических страданий (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства», с. 66, § 167; а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «V. против Соединенного Королевства» [*V. v. the United Kingdom*], жалоба № 24888/94, § 71, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-IX). То или иное обращение может считаться унижающим достоинство и подпадать под действие запрета, содержащегося в статье 3 Конвенции, если оно унижает или позорит человека, обнаруживает неуважение к его человеческому достоинству, принижает его или вызывает у человека чувство страха, тоски или собственной неполноценности, способное преодолеть моральное и физическое сопротивление личности (см., в числе недавно вынесенных постановлений, постановления Европейского Суда по правам человека по делу «Прайс против Соединенного Королевства» [*Price v. the United Kingdom*], жалоба № 33394/96, § 24—30, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-VII и по делу «Валашинас против Литвы» [*Valašinas v. Lithuania*], жалоба № 44558/98, § 117, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-VIII). Страдания, источником которых является физическое или психическое заболевание, возникшее естественным путем, могут приводить к нарушениям статьи 3 Конвенции, если они усугубляются или могут усугубляться обращением, связанным с условиями содержания под стражей, высылкой или иными действиями, за которые могут нести ответственность органы государственной власти (см. упомянутые выше постановления Европейского Суда по делу «D. против Соединенного Королевства» и по делу «Кинан против Соединенного Королевства», а также постановление Европейского Суда по делу «Бенсед против Соединенного Королевства» [*Bensaid v. the United Kingdom*], жалоба № 44599/98, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-I).

53. В настоящем деле никто не оспаривает, что само государство-ответчик не обращалось с заявительницей ненадлежащим образом. Не жалуется заявительница и на недостаточность ухода со стороны медицинских служб

государства. Поэтому положение заявительницы нельзя сравнивать с ситуацией, сложившейся в деле «D. против Соединенного Королевства», в котором человеку, страдавшему СПИДом, угрожали высылкой из Соединенного Королевства на остров Сент-Китс. Ввиду невозможности обеспечить эффективное лечение его болезни медикаментозными или паллиативными средствами он повергся бы там опасности умереть в высшей степени печальных обстоятельствах. Государство несло бы ответственность за его высылку в этих обстоятельствах. В настоящем деле со стороны Соединенного Королевства не усматривается сопоставимых действий или сопоставимого обращения.

54. Заявительница, скорее, утверждает, что отказ Директора публичных преследований дать обязательство не подвергать ее мужа судебному преследованию в случае, если тот поможет ей совершить самоубийство, а также уголовно-правовой запрет на оказание содействия при совершении самоубийства свидетельствуют о бесчеловечном и унижающем достоинство обращении. За это обращение несет ответственность государство, так как оно в этом случае не может защитить ее от страданий, которые ее ожидают, когда болезнь перейдет в последнюю стадию. Эта жалоба, однако, дает новую, расширительную трактовку понятия «обращение», которая, по оценке Палаты лордов, выходит за пределы обычного значения этого слова. Европейский Суд должен подходить к толкованию Конвенции, являющейся живым организмом, гибко и динамично. В то же время любое толкование Конвенции должно соответствовать ее основным целям и ее внутренней непротиворечивости как системы защиты прав человека. Статью 3 Конвенции следует толковать во взаимосвязи со статьей 2 Конвенции, которая до сих пор ассоциировалась с этой статьей как отражающая основные ценности, которые чтят в любом демократическом обществе. Как было указано выше, статья 2 Конвенции предполагает, прежде всего, запрет прибегать к силе или к иным действиям, если это может привести к смерти человека, и никому не дает права требовать от государства, чтобы оно разрешило или облегчило его смерть.
55. Европейский Суд не может не сопереживать опасениям заявительницы, утверждающей, что, если у нее не будет возможности покончить с собой, ее ожидает мучительная смерть. Действительно, она физически не может совершить самоубийство самостоятельно, а состояние законодательства таково, что ее муж рискует подвергнуться судебному преследованию, если поможет ей в этом. Тем не менее позитивное обязательство государства, на котором основаны доводы заявительницы, не заключается в устранении или смягчении вреда путем, например, предупреждения всякого ненадлежащего обращения со стороны государственных органов или частных лиц или повышения качества оказываемой заявителем медицинской помощи. Это потребовало бы от государства разрешить действия, направленные на причинение смерти, а такое обязательство нельзя вывести из статьи 3 Конвенции.
56. Поэтому Европейский Суд приходит к выводу, что статья 3 Конвенции не предусматривает никаких позитивных обязательств, требующих от государства-ответчика дать обещание не подвергать судебному преследованию мужа заявительницы в случае, если тот поможет ей совершить самоубийство, или предусмотреть законную возможность оказывать содействие при совершении самоубийства в любой другой форме. Соответственно, по настоящему делу не было допущено никакого нарушения статьи 3 Конвенции.

IV. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

57. В части, имеющей отношение к настоящему делу, статья 8 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни <...>

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

A. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы, представленные Европейскому Суду заявительницей

58. Заявительница утверждает, что право на самоопределение личности красной нитью проходит через всю Конвенцию, но именно в статье 8 Конвенции оно признается и гарантируется в наиболее явной форме. Понятно, что право на самоопределение включает в себя право принимать решения относительно своего собственного тела и того, что с ним должно произойти. Заявительница считает, что это право предполагает возможность принимать решения о том, когда и как умереть. По ее мнению, ничто не может быть так тесно связано с тем, как человек строит свою жизнь, чем то, когда и как именно наступает его смерть. Следовательно, отказ Директора публичных преследований дать соответствующее обязательство и установленный государством абсолютный запрет на оказание содействия при совершении самоубийства являются вмешательством государства в осуществление ее прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 8 Конвенции.
59. Заявительница полагает, что в пользу вмешательства государства в столь сокровенную сферу ее личной жизни должны быть приведены в высшей степени серьезные соображения. Однако государству-ответчику не удалось показать оправданность вмешательства, о котором идет речь, так как оно не приняло во внимание ее особые обстоятельства. При этом заявительница также ссылается на доводы, которые она приводила при рассмотрении ее жалобы на предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции (см. выше, пункты 45—46 настоящего постановления).

2. Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

60. Государство-ответчик считает, что настоящее дело не затрагивает прав, предусмотренных статьей 8 Конвенции, так как право на личную жизнь не включает в себя права на смерть. Оно распространяется на то, как человек строит свою жизнь, а не на то, как он с ней расстается. В противном случае это предполагаемое право на смерть свело бы на нет те преимущества, на которых оно основано. Даже если приведенные доводы и ошибочны, любое вмешательство государства в реализацию прав, предусмотренных статьей 8 Конвенции, полностью оправданно. Государство вправе в рамках предоставленной ему свободы усмотрения определять, в какой мере человек может соглашаться на причинение физического

вреда самому себе, и уж тем более вправе устанавливать, может ли человек давать свое согласие на то, чтобы его лишили жизни.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

1. Вопрос о применимости пункта 1 статьи 8 Конвенции в обстоятельствах настоящего дела

- 61.** В своих ранее вынесенных постановлениях Европейский Суд отмечал, что «личная жизнь» — широкое понятие, которому невозможно дать исчерпывающее определение. Оно распространяется на физическую и психическую целостность личности (см. постановление Европейского Суда от 26 марта 1985 г. по делу «X и Y против Нидерландов» [*X and Y v. the Netherlands*], серия «А», № 91, с. 11, § 22). Иногда оно может включать в себя аспекты физической и социальной самоидентификации человека (см. постановление Европейского Суда по делу «Микулич против Хорватии» [*Mikulić v. Croatia*], жалоба № 53176/99, § 53, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-I). Такие элементы, как, например, причисление себя к тому или иному полу, имя, а также сексуальная ориентация и половая жизнь, попадают в личную сферу, охраняемую статьей 8 Конвенции (см., например, постановление Европейского Суда от 25 марта 1992 г. по делу «В. против Франции» [*B. v. France*], серия «А», № 232-С, с. 53—54, § 63; постановление Европейского Суда от 22 февраля 1994 г. по делу «Бургхартц против Швейцарии» [*Burghartz v. Switzerland*], серия «А», № 280-В, с. 28, § 24; постановление Европейского Суда от 22 октября 1981 г. по делу «Даджен против Соединенного Королевства» [*Dudgeon v. the United Kingdom*], серия «А», № 45, с. 18—19, § 41; а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Ласки, Джаггард и Браун против Соединенного Королевства», с. 131, § 36). Статья 8 Конвенции защищает право человека на личностное развитие, а также его право устанавливать и развивать отношения с другими людьми и с внешним миром (см., например, мнение Европейской комиссии по правам человека по упомянутому выше делу «Бургхартц против Швейцарии», с. 37, § 47, а также мнение Европейской комиссии по правам человека по делу «Фридли против Австрии» [*Friedl v. Austria*], постановление Европейского Суда по правам человека от 31 января 1995 г., серия «А», № 305-В, с. 20, § 45). Ни в одном из рассмотренных им дел Суд не признавал, что в статье 8 Конвенции содержится право на самоопределение личности как таковое. Несмотря на это, Суд считает, что понятие независимости личности является важным принципом, лежащим в основе интерпретации гарантий, которые предоставляет данная статья Конвенции.
- 62.** Государство-ответчик утверждает, что право на личную жизнь не может включать в себя право умереть с помощью другого человека, поскольку оно свело бы на нет защиту, которую, по замыслу составителей, должна предоставлять Конвенция. Европейский Суд отмечает, что способность строить свою жизнь по собственному усмотрению может также включать в себя возможность предпринимать действия, которые считаются физически или морально вредными или опасными для тех, кто их совершает. Вопрос о том, в какой мере государство может прибегать к принудительным или к уголовно-правовым мерам для защиты людей от последствий того образа жизни, который они сами для себя выбрали, в течение долгого времени обсуждался с позиций и морали, и юриспруденции. Из-за того, что вмешательство в реализацию

указанного права часто считается вторжением государства в частную и личную сферу, споры становились еще более ожесточенными. Однако даже в случаях, когда те или иные действия представляют опасность для здоровья или, возможно, для жизни человека, в практике конвенционных органов предполагалось, что принятие государством принудительных или уголовно-правовых мер представляет собой вмешательство государства в личную жизнь заявителя в значении положений пункта 1 статьи 8 Конвенции и требует от властей оправдать такое вмешательство с точки зрения положений пункта 2 статьи 8 Конвенции (по поводу, например, вовлечения человека в занятия садомазохизмом с его согласия, которое привело к насилию и причинению ему телесных повреждений, см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Ласки, Джаггард и Браун против Соединенного Королевства», а по поводу отказа от лечения см. решение Европейской комиссии по правам человека от 10 декабря 1984 г. по делу «Акманн и другие заявители против Бельгии» [*Acmanne and Others v. Belgium*], жалоба № 10435/83, Сборник решений и докладов Европейской комиссии по правам человека DR 40, с. 251).

- 63.** Можно было бы обратить внимание на то, что смерть не входила в умысел заявителей в описанных выше ситуациях. В то же время Европейский Суд не считает, что это может быть решающим фактором. В том, что касается вопросов оказания медицинской помощи, отказ пациента дать свое согласие на тот или иной конкретный план лечения может с неизбежностью привести в летальному исходу. Тем не менее оказание медицинской помощи совершеннолетнему пациенту, находящемуся в ясном рассудке, без его согласия, являлось бы настолько серьезным посягательством на физическую целостность личности, что оно могло бы затронуть права, охраняемые пунктом 1 статьи 8 Конвенции. Национальное право признаёт, что человек может реализовать свое решение покончить с собой, отказавшись продолжать лечение, которое могло бы отсрочить наступление смерти (см. выше, пункты 17—18 настоящего постановления).
- 64.** В настоящем деле, хотя оно и не касается оказания медицинской помощи, заявительница страдает от тяжелых последствий дегенеративной болезни, которая в скором будущем приведет к дальнейшему ухудшению ее состояния и усугубит ее физические и психические страдания. Она хочет смягчить эти страдания, реализовав свой выбор совершить самоубийство с помощью своего мужа. Как заявил лорд Хоуп, то, как она решит провести последние мгновения своей жизни, является частью жизненного процесса, и она имеет право требовать, чтобы это ее решение тоже уважали (см. выше, пункт 15 настоящего постановления).
- 65.** Уважение достоинства и свободы человека составляет самую суть Конвенции. никоим образом не отрицая принцип священности жизни, охраняемой Конвенцией, Европейский Суд считает, что понятие качества жизни обретает значимость именно в контексте статьи 8 Конвенции. В эпоху бурного развития медицины и возросшей продолжительности жизни многие люди опасаются, как бы их не заставили доживать до глубокой старости или до состояния крайней физической или умственной дряхлости. Это находится в противоречии с глубоко укоренившимися идеями самостояния личности и ее самоидентификации.
- 66.** По мнению большинства судей Верховного суда Канады в деле «Родригез против Генерального атторнея Канады» [*Rodriguez v. the Attorney General of Canada*] ([1994], Сборник судебных актов судов Канады LRC. Том 2, с. 136), касающегося ситуации, которую можно

сравнить с обстоятельствами настоящего дела, запрет на то, чтобы истица воспользовалась помощью другого человека при совершении самоубийства, усугубил ее горе и помешал ей распорядиться своей смертью. Это лишило ее независимости и потребовало оправдания с точки зрения принципов высшей справедливости. Хотя канадский суд рассматривал одну из статей Хартии прав и свобод Канады, расходящейся в формулировках со статьей 8 Конвенции, у него возникли сопоставимые опасения по поводу принципа независимости личности, понимаемого как право человека принимать решения, которые касаются его самого.

67. Закон препятствует заявительнице по настоящему делу реализовать свой выбор, дабы избежать того, что ей кажется смертью, сопряженной со страданиями и потерей достоинства. Европейский Суд не готов исключить, что это представляет собой вмешательство государства в реализацию ее права на уважение личной жизни, гарантированного пунктом 1 статьи 8 Конвенции. Ниже Суд рассмотрит вопрос о том, соответствует ли это вмешательство требованиям пункта 2 статьи 8 Конвенции.

2. Вопрос о соответствии требованиям пункта 2 статьи 8 Конвенции вмешательства государства в реализацию прав заявительницы

68. Вмешательство государства в реализацию права, предусмотренного статьей 8 Конвенции, не отвечает требованиям пункта 2 статьи 8 Конвенции, если оно не предусмотрено законом, не преследует цели или целей, приемлемых с точки зрения этого пункта, и не является необходимым в демократическом обществе для достижения указанной цели или целей (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Даджен против Соединенного Королевства», с. 19, § 43).

69. Единственным вопросом, который вытекает из аргументов сторон, является вопрос о необходимости вмешательства государства в реализацию права, о котором идет речь, поскольку стороны согласны друг с другом в том, что ограничения на оказание содействия при совершении самоубийства в данном случае были предусмотрены законом, а также преследовали правомерную цель — гарантировать жизнь и защитить тем самым права других лиц.

70. Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда понятие необходимости предполагает, что вмешательство государства в реализацию прав человека соответствует настоятельной социальной потребности и, в частности, что оно соразмерно преследуемой государством правомерной цели; при определении того, является ли таковое вмешательство необходимым в демократическом обществе, Суд учитывает, что национальные власти пользуются определенной свободой усмотрения. Тем не менее Суд осуществляет контроль за решениями властей, определяя, отвечают ли они конвенционным требованиям. Объем свободы усмотрения, которой располагают компетентные национальные органы власти, неодинаков. Он зависит от характера вопросов, являющихся предметом спора по тому или иному делу, и от важности интересов, которые оно затрагивает.

71. Европейский Суд напоминает, что свобода усмотрения государства была признана небольшой в том, что касается вмешательства в интимные сферы половой жизни человека (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Даджен против Соединенного Королевства», с. 21, § 52 и постановление Европейского Суда по делу «A.D.T. против Соединенного Королевства» [*A.D.T. v. the United Kingdom*], жалоба № 35765/97,

§ 37, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-IX). Заявительница утверждает, что в связи с этим государство-ответчик должно привести особо убедительные соображения, чтобы оправдать вмешательство государства в реализацию ее прав. Тем не менее по мнению Суда, нельзя считать, что вопрос, рассматриваемый по настоящему делу, имеет такой же характер или требует такого же хода рассуждений.

72. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду, сосредоточены на соразмерности выявленного в настоящем деле вмешательства государства в права заявительницы. В частности, заявительница обжалует абсолютный характер запрета на оказание содействия при совершении самоубийства, утверждая, что он не учитывает положения, в котором она оказалась: взрослый человек, находящийся в ясном рассудке и твердо знающий, чего она хочет, она не подвергалась никакому давлению и приняла добровольное решение на основе всей доступной ей информации. Следовательно, нельзя считать, что она находится в уязвимом положении и нуждается в защите. Это отсутствие гибкости, по ее мнению, означает, что ее вынудят испытать на себе последствия ее неизлечимой и мучительной болезни, и она субъективно заплатит за это очень высокую цену.

73. Государство-ответчик пытается доказать, что заявительница, как человек с сильно пониженной трудоспособностью, обдумывающий возможность совершения самоубийства, должна считаться находящейся в уязвимом положении. Однако Европейский Суд отмечает, что это утверждение не подкреплено ни доказательствами, представленными в судах Соединенного Королевства, ни решениями Палаты лордов Парламента Соединенного Королевства. Последняя, подчеркнув, что право Соединенного Королевства предусматривает защиту людей, которые находятся в уязвимом положении, не отнесла заявительницу к этой категории.

74. Тем не менее Европейский Суд, разделяя позицию большинства судей Верховного суда Канады по делу «Родригез против Генерального атторнея Канады» и Палаты лордов, приходит к выводу, что государства вправе путем применения норм общего уголовного права регламентировать действия, которые могут причинить ущерб жизни и безопасности других лиц (см. также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Ласки, Джагард и Браун против Соединенного Королевства», с. 132—133, § 43). Чем больший ущерб они причиняют, тем больший вес имеют соображения общественного здоровья и безопасности по сравнению с принципом личностной независимости, находящимся на противоположной чаше весов. Статья 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года, о которой идет речь в настоящем деле, направлена на то, чтобы гарантировать право на жизнь путем защиты слабых и уязвимых, а в особенности тех, кто не в состоянии принимать решения относительно самоубийства на основе имеющейся информации, от действий, направленных на причинение смерти или на содействие в ее причинении. Несомненно, состояние неизлечимо больных лиц различно. Однако многие из них находятся в уязвимом положении, и именно незащищенность этой категории является мотивом принятия данного закона. Опасность и вероятность злоупотреблений в случае, если запрет на оказание содействия при совершении самоубийства будет ослаблен или если из него будут предусмотрены исключения, определяется в первую очередь государствами — членами Совета Европы. Они же оценивают вероятные последствия этих злоупотреблений в случае, если они все-таки были

допущены. Явная опасность злоупотреблений действительно существует, несмотря на доводы о том, что можно разработать гарантии и защитные процессуальные механизмы, позволяющие их избежать.

- 75.** Адвокат заявительницы пытался убедить Европейский Суд в том, что признание нарушения Конвенции в настоящем деле не создаст общего прецедента или какой-либо опасности по отношению к другим делам. Действительно, согласно статье 34 Конвенции роль Суда заключается не в том, чтобы делать абстрактные умозаключения, а в том, чтобы применять Конвенцию к конкретным обстоятельствам конкретного дела. Тем не менее постановления по конкретным делам в большей или меньшей степени являются прецедентами, и решение по настоящему делу ни с теоретической, ни с практической точки зрения нельзя составить таким образом, чтобы не допустить его применения в последующих делах.
- 76.** Поэтому Европейский Суд не считает несоразмерным абсолютный запрет на оказание содействия при совершении самоубийств. Государство-ответчик заявляет, что гибкость при рассмотрении каждого конкретного случая обеспечивается тем, что судебное преследование не может начаться без согласия Директора публичных преследований, а также тем, что установлен максимальный срок наказания, причем в случаях, когда это представляется целесообразным, может быть назначено и менее суровое наказание. В докладе Специального комитета указывается, что с 1981 по 1992 год лишь в одном из двадцати двух дел, касавшихся «убийства из милосердия», суды Соединенного Королевства признали подсудимого виновным в убийстве и назначили ему наказание в виде пожизненного лишения свободы. В других же делах обвинения были переквалифицированы на менее тяжкие, и по большей части этих дел суды Соединенного Королевства назначали подсудимым условное наказание или наказание с отсрочкой исполнения (пункт 128 доклада, выдержки из которого приведены в пункте 21 настоящего постановления). Европейский Суд не считает произволом то, что закон отражает важность права на жизнь, запрещая оказывать содействие при совершении самоубийств и предусматривая правоприменительный механизм, а также процедуру судебного разрешения дел, которая позволяет в ходе производства по каждому конкретному случаю должным образом учитывать интерес общества в судебном преследовании обвиняемого, а также справедливые и надлежащие требования возмездия и устрашения.
- 77.** С учетом обстоятельств дела нет ничего несоразмерного и в отказе Директора публичных преследований заранее дать обязательство не подвергать мужа заявительницы судебному преследованию. Против любого притязания органов исполнительной власти на то, чтобы действие закона не распространялось на некоторых лиц или группы лиц, можно выдвинуть серьезные доводы, основанные на принципе верховенства права. В любом случае, деяние, в отношении которого заявительница просит предотвратить своему мужу иммунитет от судебного преследования, настолько серьезно, что решение Директора публичных преследований об отказе дать обязательство, которого от него в данном случае добивались, нельзя считать необоснованным или произвольным.
- 78.** Европейский Суд приходит к выводу, что в настоящем деле вмешательство в реализацию прав заявительницы может считаться оправданным как «необходимое в де-

мократическом обществе» для защиты прав других лиц. Соответственно, по делу не было допущено никакого нарушения статьи 8 Конвенции.

V. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 9 КОНВЕНЦИИ

- 79.** Статья 9 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

A. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы, представленные Европейскому Суду заявительницей

- 80.** Заявительница утверждает, что статья 9 Конвенции защищает право на свободу мысли, которое до настоящего времени распространялось на убеждения, такие, как веганизм¹ и пацифизм. Добиваясь того, чтобы ее муж помог ей совершить самоубийство, заявительница верила в идею самоубийства с помощью другого человека и поддерживала ее. Вмешательство в реализацию этого ее права было допущено Директором публичных преследований, отказавшимся дать обязательство не подвергать судебному преследованию мужа заявительницы, а также Соединенным Королевством, предусмотревшим абсолютный запрет, который не учитывал особых обстоятельств заявительницы. По тем же основаниям, что применялись при рассмотрении жалобы на предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции, это вмешательство не было оправданно с точки зрения пункта 2 статьи 9 Конвенции.

2. Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

- 81.** Государство-ответчик оспаривает, что по делу возникает вопрос о возможном нарушении этой статьи Конвенции. Статья 9 Конвенции защищает свободу мысли, совести и религии, а также свободу исповедовать эти убеждения и не наделяет человека никаким общим правом предпринимать какие-то действия по своему усмотрению, следуя своим убеждениям, какими бы они ни были. На тот случай, если Европейский Суд не согласится с этим аргументом, государство-ответчик заявляет: даже если право заявительницы, предусмотренное пунктом 1 статьи 9 Конвенции, и было каким-либо образом ограничено, это ограничение было оправданно с точки зрения пункта 2 этой статьи Конвенции по тем же основаниям, которые приводились при рассмотрении жалоб г-жи Претти на предполагаемое нарушение статей 3 и 8 Конвенции.

¹ Образ жизни, характеризующийся, в частности, строгим вегетарианством и полным отказом от использования в быту изделий, содержащие кожу, мех, шелк, шерсть и другие материалы животного происхождения; «веганы» борются за права животных, против тестирования на животных и т.п. (примечание редакции).

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

- 82.** Европейский Суд не сомневается в твердости убеждений заявительницы относительно самоубийства с помощью другого человека, однако отмечает, что не все взгляды или мнения являются убеждениями, на которые распространяется действие пункта 1 статьи 9 Конвенции. Жалоба заявительницы не относится к какой-либо форме исповедания религии или убеждений в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов, как сказано в пункте 1 этой статьи Конвенции. Европейская Комиссия по правам человека пришла к выводу, что термин «обряды», как он использован в пункте 1 статьи 9 Конвенции, распространяется не на всякое действие, мотивированное религией или убеждениями или предпринятое под их влиянием (см. доклад Европейской комиссии по правам человека от 12 октября 1978 г. по делу «Арроусмит против Соединенного Королевства» [*Arrowsmith v. the United Kingdom*], жалоба № 7050/77, Сборник решений и докладов Европейской комиссии по правам человека DR 19, с. 19, § 71). Постольку, поскольку взгляды заявительницы отражают ее приверженность принципу независимости личности, ее жалоба, касающаяся статьи 9 Конвенции, — это та же жалоба на предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции, только по-другому сформулированная.
- 83.** Европейский Суд приходит к выводу, что по настоящему делу не было допущено никакого нарушения требований статьи 9 Конвенции.

VI. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ

- 84.** Статья 14 Конвенции предусматривает следующее:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

А. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы, представленные Европейскому Суду заявительницей

- 85.** Заявительница считает себя жертвой дискриминации, поскольку с ней обращались так же, как и с теми, положение которых существенно отличалось от ее собственного. Несмотря на то, что абсолютный запрет оказывать содействие при совершении самоубийства в равной мере распространяется на всех, применение этого запрета к ней, когда ее физическое состояние настолько ужасно, что она не может покончить с собой без содействия другого человека, является дискриминацией. Ей не дают реализовать право, которым могут воспользоваться другие, те, кому болезнь не мешает совершить самоубийство без содействия другого человека. Следовательно, с заявительницей обращаются иначе, менее благосклонно, чем с ними. В оправдание этого абсолютного запрета государство-ответчик ссылается лишь на необходимость защиты тех, кто находится в уязвимом положении. Заявительница же не находится в уязвимом положении и не нуждается в защите, поэтому разумные и объективные

обстоятельства, оправдывающие такое различие в обращении, отсутствуют.

2. Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

- 86.** Государство-ответчик утверждает, что статья 14 Конвенции не применяется в настоящем деле, так как жалобы заявительницы не затрагивают никаких реальных прав, на которые она ссылается. На тот случай, если Европейский Суд не согласится с этим аргументом, государство-ответчик отрицает наличие дискриминации, так как нельзя считать, что положение, в котором находится заявительница, сходно с положением тех, кто может покончить с собой без содействия другого человека. Даже если предположить, что статья 14 Конвенции применяется в настоящем деле, часть 1 статьи 2 Закона «О самоубийствах» 1961 года не является дискриминационной, поскольку законодательство Соединенного Королевства никого не наделяет правом на самоубийство, и правовая политика решительно противодействует самоубийствам. Уголовно-правовая политика заключается в том, чтобы учитывать обстоятельства, имеющие отношение к личности подозреваемого, либо на стадии разрешения вопроса о необходимости подвергнуть его судебному преследованию, либо, в случае, если суд признал его виновным в совершении преступления, на стадии назначения наказания. Кроме того, государство-ответчик утверждает, что в деле явно присутствуют разумные и объективные обстоятельства, оправдывающие любое предполагаемое различие в обращении, ссылаясь при этом на доводы, которые оно приводило при рассмотрении жалоб заявительницы на предполагаемое нарушение статей 3 и 8 Конвенции.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

- 87.** Европейский Суд уже пришел к выводу, что настоящее дело затрагивает права заявительницы, предусмотренные статьей 8 Конвенции (см. выше, пункты 61—67 настоящего постановления). Следовательно, Суд должен рассмотреть жалобу заявительницы на то, что она подверглась дискриминации при пользовании правами, гарантированными этой статьей Конвенции. По мнению заявительницы, эта дискриминация заключалась в том, что право Соединенного Королевства разрешает совершать самоубийство лицам, физическое состояние которых позволяет им это сделать, и запрещает лицам с физическими недостатками пользоваться при его совершении помощью другого человека.
- 88.** Для целей применения статьи 14 Конвенции различие в обращении с лицами, находящимися в аналогичном или в относительно схожем положении, является дискриминацией, если оно не оправдано никакими объективными и разумными соображениями, то есть если оно не преследует правомерной цели или если отсутствует разумное соотношение соразмерности между задействованными средствами и поставленной целью. Кроме того, Договаривающиеся Государства пользуются некоторой свободой усмотрения при определении того, оправдывают ли различия в ситуациях, сходных во всех остальных отношениях, различие в обращении, и если да, то в какой степени (см. постановление Европейского Суда по делу «Камп и Бурими против Нидерландов» [*Camp and Bourimi v. the Netherlands*], жалоба № 28369/95, § 37, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-X). Дискриминация также может иметь место, когда государства, не имея на то объективных и разумных оснований, не обращаются по-разному с

людьми, если ситуации, в которых они находятся, существенно различаются (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тлимменос против Греции» [*Thlimmenos v. Greece*], жалоба № 34369/97, § 44, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-IV).

89. Даже если применить принцип, установленный по делу «Тлимменос против Греции», к положению, в котором находится заявительница, все равно, по мнению Европейского Суда, существуют объективные и разумные соображения, оправдывающие отсутствие правового различия между теми, кто в силу своего физического состояния может совершить самоубийство, и теми, кто из-за болезни лишен возможности это сделать. Рассматривая жалобу заявительницы на предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции, Суд пришел к выводу о наличии серьезных оснований для того, чтобы не предусматривать в законодательстве исключений с целью привлечь внимание положение тех, кого не считают находящимся в уязвимом положении (см. выше, пункт 74 настоящего постановления). Применительно к статье 14 Конвенции существуют не менее серьезные основания для того, чтобы не проводить различия между теми, кто может покончить с собой без посторонней помощи, и теми, кто не в состоянии этого сделать. Граница между этими категориями зачастую очень четкая, и добиваться того, чтобы законодательство предусматривало исключения для тех, кто считается неспособным совершить самоубийство, значило бы серьезно ослабить защиту жизни человека, которую призван гарантировать Закон «О самоубийствах» 1961 года, и многократно увеличить вероятность злоупотреблений.

90. Соответственно, по настоящему делу не было допущено никакого нарушения требований статьи 14 Конвенции.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *объявил* жалобу заявительницы приемлемой для рассмотрения по существу;

2. *постановил*, что по настоящему делу не было допущено никакого нарушения требований статьи 2 Конвенции;

3. *постановил*, что по настоящему делу не было допущено никакого нарушения требований статьи 3 Конвенции;

4. *постановил*, что по настоящему делу не было допущено никакого нарушения требований статьи 8 Конвенции;

5. *постановил*, что по настоящему делу не было допущено никакого нарушения требований статьи 9 Конвенции;

6. *постановил*, что по настоящему делу не было допущено никакого нарушения требований статьи 14 Конвенции.

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 29 апреля 2002 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

**Майкл О'Бойл,
Секретарь Секции
Европейского Суда**

**Матти Пеллонпаа,
Председатель Палаты
Европейского Суда**

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

Настоящий перевод выполнен и опубликован при финансовой поддержке Совета Европы